

Удерживая небо

Автор:

[Ник Перумов](#)

Удерживая небо

Ник Перумов

Миры Упорядоченного Гибель богов - 2 #2

Окончилась Война Мага...

Хедин и Ракот, Новые Боги Упорядоченного, в зените своего могущества. Они удерживают в равновесии всю огромную Вселенную. Кажется, наконец настали долгожданные мир и покой. Хедин нашел свое счастье с Сигрлинн, а Клара Хюммель, бывший Боевой маг Долины, – со Сфайратом. В тихом отдаленном мире они с мужем растят четверых детей. Но однажды в окрестностях их дома появляется вампир по имени Ан-Авагар, и в одночасье все меняется. Еще не зная об этом, Хедин и Сигрлинн решают обойти главные источники магии Упорядоченного, однако с первых шагов их «паломничество» оборачивается неожиданной и тревожной стороной...

Долгожданное продолжение легендарной «Гибели Богов»!

Ник Перумов

Удерживая небо

Глава I

Хедин, Сигрлинн, Ракот

– Славные делишки, – проворчал бывший Владыка Тьмы, выслушав рассказ Хедина. Плечи Ракота покрывала грубовыделанная шкура, знаменитый чёрный меч, небрежно завернутый в нечто, сильно напоминавшее драконью чешуйчатую кожу, отдыхал от трудов праведных на низком столе.

– Прости, братик, что лишили тебя славы победителя, – промурлыкала Сигрлинн, касаясь бугрящихся мышц – Ракот так и не успел выйти из образа черноволосого и голубоглазого варвара, как раз предававшегося гладиаторским забавам на арене под восторженные вопли доброй сотни тысяч зевак. Сама Сигрлинн успела побывать на гномьей свадьбе, хоть и недолго.

– Чего уж там. – Ракот потёр ушибленное запястье, поморщился. – Крепок тот гном оказался, лиходей этакий...

– Брат, пропал Мимир, – сухо бросил Хедин. – Невесть что творится с Кипящим Котлом. Один только Урд остаётся, каким и был, но... ты сам знаешь, Граница медленно движется. Мы с тобой об этом...

– Говорили много раз. – Ракот схватил кожаный мех, валявшийся рядом с заменявшей ему плащ шкурой, крепкими зубами выдернул пробку. Полилось красноватое вино, алые струйки побежали вниз по блестящей от пота груди Нового Бога.

– И можешь ты пить такую кислятину, – ужаснулась Сигрлинн. – Я отсюда слышу!

– Освежает, – буркнул Ракот, отбросив опустевший мех. – Сейчас бы ещё гномюду, и голова совсем бы прояснилась.

– Брат! – Хедин поднялся. – Хватит, прошу тебя. Нам и так было непросто тебя дозваться.

– Понимаю, прости, – вздохнул Ракот. – Так порой устаёшь от божественности... Хочешь честной схватки, чтобы равные шансы, чтобы победить, потому что ты...

– Этой радости мы лишены, – Познавший Тьму говорил сухо и ровно, ну ни дать ни взять – строгий учитель. – Я оставил несколько подмастерьев возле Мимирова источника. Они там, впрочем, ничего не нашли и уже, скорее всего, не найдут. Все следы, если и имелись, давно протухли. Матёрый лес поднялся, где там деревня стояла.

– Кому он мог понадобиться и куда деться – мы, пока сюда добирались, чуть языки не стёрли, обсуждаючи, – бросила Сигрлинн. – Ничего не придумали, само собой. Дальние, не Дальние, Спаситель, козлоногие, ведьмаки лохматые...

– Про таких не слышал, – рыкнул Ракот.

Сигрлинн только отмахнулась.

– Если похитили – почему ничего не случилось с Источником? А если что-то от него самого вызнать хотели – то почему ничего с тех пор и не случилось? Ждут? Время ещё не настало?

– Хотела б я на тех посмотреть, кто вообразил, что может у Старого Ётуна что-то силой вызнать, против его воли!

– Молодые Боги тоже не думали, что их кто-то свергнуть может, сестра, – прорычал Ракот. – Мимир мог возомнить о себе слишком много. Мог увериться, что, мол, справится со всем и всеми. Ан не справился!

– И что же? – в голосе Познавшего Тьму звенели льдинки.

– Что, что... Я немедля отправлюсь на поиски. Дашь мне твою Гелерру и её полк?

– Они сражаются в Хьёрварде. Возле Бьёрсвердена. Там, где живут Лунные волки и...

– Отлично! – громыхнул Ракот. – Помогу им справиться там – и вперёд! Мимира надо выручать. Даже если он успел рассказать – не знаю кому! – всё, что знал.

– А что он знал, собственно говоря? – вдруг тихонько спросила Сигрлинн. – Какие тайны были ему открыты? О Мимире вечно говорили, как о «мудрейшем из мудрых», но в чём состояла его мудрость? Он сторожил Источник, верно. Но что он мог знать такого? Молодые Боги не сочли нужным что-то делать с ним, так не значит ли это...

– Ты забыла, как мы искали туда дорогу, Си? Ямерт и компания просто закрыли все пути туда, все дороги.

– Не для всех, – заметил Ракот. – Бран Сухая Рука выбрался. И немало попортил нам крови, если честно.

– Он жил в Хьёрварде, если ты забыл, брат.

– Ничего я не забыл! А откуда он там взялся изначально?

Сигрлинн пожала плечами.

– Выпустили. Специально для этого и вывели. Какое это имеет значение, Ракот?

Бывший Владыка Тьмы не ответил – шагал от стены и до стены, резкими взмахами рубил воздух, что-то бормоча себе под нос.

– Оставайтесь здесь, – наконец обернулся он. – Ты, Хедин, и ты, Си. Я отправлюсь в Хьёрвард.

– Если тебе нужен след, быть может, стоит вспомнить о вампирах? – осторожно посоветовала чародейка. – После исчезновения Эйвилль они... наверняка мечтают о случае показать себя. Вернуть себе расположение Богов, – закончила она с полуулыбкой.

– Только не вампиры, – процедил сквозь зубы Хедин.

Сигрлинн сделала паузу... и понимающе кивнула.

* * *

Над тайным замком медленно поворачивалось небо. Вынесенный далеко вперёд балкон плыл над бездонной, завораживающей бездной Межреальности. Далеко справа вставали огненные протуберанцы; далеко слева тянулись во все стороны ловчими ростками дикие чащи.

– Узнаю моего Хедина. – Сигрлинн сменила белое платье на просторную куртку со шнуровкой, мягкие кожаные штаны и такие же сапоги почти без каблуков, в каких удобно биться. – Дикое прекрасно. Свободное пребудет свободным. Что выросло, то выросло.

Я улыбнулся, несмотря на все мрачные мысли.

– Никогда не был силён в парковом искусстве, ты же знаешь.

– А я б тут уж развернулась, – залихватски сообщила она, глядя вниз. – Во-он те чащи бы повырубил, во-он оттуда завернула бы поток, здесь поставила б скалу с водопадом и озерком...

– Ракот, скорее всего, ничего не найдёт, – вдруг вырвалось у меня. Само её присутствие, тонкий, едва ощутимый аромат её кожи, только её, какой не спутаешь больше ни с чем, сводил с ума, несмотря на все прошедшие годы с веками. – А кому-то надо садиться подле Кипящего Котла и медленно, постепенно, не торопясь разбирать, что же за заклятия там сложились и почему. А ещё козлоногие, а ещё быкоглавцы в Хьёрварде. И нужны новые... подмастерья. Их нужно много. Целая армия, боюсь. А тот, кто прибегает к армиям... В нашей игре он уступает, Си.

– Я... понимаю, – едва слышно отозвалась она, тотчас меняя тон. – Хедин, мой Хедин, отчего ты не подпускаешь меня? Бережёшь по-прежнему? Не можешь простить себе Брандея?

Я отвернулся. Сигрлинн смотрела вниз, но я и подумать не мог, чтобы встретиться сейчас с ней взглядами.

- Си... если что-то с тобой случится сейчас, после всего...

- А я всё никак не добьюсь, чтобы ты осознал наконец - меня убить не так-то легко. И из заточения - любого! - я вырвусь. Рано или поздно. А ты, похоже, решил обложить меня ватой и сдувать пыль! Даже сделал вид, что не понял, почему я так оделась...

- А почему ты так оделась?

- Потому что я тоже отправлюсь в путь, - выпалила она. - Хватит отсиживаться за твоей спиной, милый мой. Пришла подставить плечо. Сама. Там, где я считаю нужным.

- Постой, погоди. Что ты собралась делать? В какой такой «путь» ты решила отправиться?

Она улыбнулась. Потом ещё раз, и пропущенные, не произнесённые нами обоими слова, казалось, так и падали в бездны Межреальности.

- Позволь мне отбыть в Хьёрвард, помочь покончить с быкоглавцами. А потом Ракот заберёт Гелерру и её полк.

- Что ты станешь там делать? Едва ли Ракот с Гелеррой оставят там что-то для тебя. Разве что пепелище...

- Они отобьют натиск и двинутся на поиски Мимира. Я постараюсь добраться до истока, до тех, кто набирал и насылал на нас эту армию. Я помню вести от твоей адаты - к быкоглавцам присоединились чародеи из какого-то мелкого и диковатого народца. Я бы отыскала наёмщиков, тех, кто вывел их на тропу войны.

- И, наверное, ты не забыла бы о своих Ночных Всадницах?

- Угадал, - засмеялась она. - Не забыла бы.

Я покачал головой.

– Си, не хочу напоминать тебе о тяжком, но разве первая смерть твоя не была...

– Я всё помню и так, мой Хедин. – Она не отвела взгляда. – Дважды создавалась общность тех, что шли за мной, и дважды это кончалось... совсем не так, как мне виделось. Ночные Всадницы и Орден Прекрасной Дамы... я в ответе за них, милый.

– Все мы в ответе, – проворчал я. – Тебя не остановишь, дорогая. Не стану и пытаться, только... только помни об одном премилом законе. Законе, что попортил нам крови больше, чем все остальные, вместе взятые.

– Не забуду, – пообещала она, словно девчонка. – И... и постараюсь найти тебе новых последователей. И...

– Постарайся вернуться. Вот и всё. Целой и невредимой. – Я не мог удержаться. Обхватил её, стиснул, прижал – нежную, трепещущую, словно бабочка, и в то же время твёрдую, словно сталь.

– А ты, мой Хедин? – Она глядела мне прямо в глаза, сквозь глаза и ещё глубже. – Что станешь делать ты? Ракот рвётся отыскивать похитителей Мимира, я разберусь со вторгшимися в Хьёрвард дикарями... Прости, мы с братцем разобрали всё самое интересное!

– Кипящий Котёл, – сказал я с напускной мрачностью. – Кипящий Котёл, если что-то случится с нашими Источниками, всё прочее утратит значение. Тогда Неназываемого не остановит уже ничто. В общем, придётся мне сидеть в той бездне, в полном одиночестве, обложившись книжками, и вспоминать школьные годы. Никогда не любил головоломных формул и зубодробительных выводов. Это уж скорее было по твоей части, моя дорогая...

– Эритовые обручи... – улыбнулась Сигрлинн. – Сейчас бы не помешали. Вы с Ракотом можете дозваться друг до друга и так, а мы с тобой?

Я взял её руки в свои.

– Мы попытаемся. Сделать кристалл я всё равно уже не успею.

* * *

Замок остался позади, пустой и холодный, враз сделавшийся каким-то чужим и неуютным. Сигрлинн отправилась в Хьёрвард; Ракот исчез ещё раньше – названный брат мой вообще не очень утруждал себя формальными прощаниями. Что ж, Хедин Познавший Тьму вновь один. Дорога к Кипящему Котлу не займёт много времени, однако медлить всё равно не след.

Познавший Тьму шёл один. Кипящий Котёл – не то место, куда следует соваться его подмастерьям. Может быть, тогда, когда он сам поймёт, что же там случилось.

...А Си заскучала, несмотря ни на что. Не может просто так, невесть кем, неведомо для чего сидеть в каком-то летучем замке. Да, ни Столпа Титанов, ни Совета Поколения, ничего не осталось, даже платьем не перед кем покрасоваться; мы с Ракотом не в счёт. Здесь уж скорее сгодился бы Макран, особенно если Эстери отвернётся...

Я поймал себя на том, что вновь думаю о них, как о живых. Несмотря на Брандей и Западную Тьму, несмотря на последний бой Ордена Прекрасной Дамы.

Что с ними случилось, в конце-то концов? Погибли «последней смертью», даже не Истинного Мага, а брандейца, слуги Хаоса? Кому достались их души, буде таковые вообще нашлись, в чём я лично не уверен? Спасителю? Демогоргону? Или и вовсе «отправились, как недостойные, в Хель», серыми призраками в унылых вереницах, предводительствуемых Яргохором?

Самая достойная тема для размышлений Нового Бога, Бога Равновесия, направляющегося в одиночестве к Кипящему Котлу...

Хагену в Долине Магов предстоит тоже немало работы. Последнее время о нём я думал с каким-то даже раскаянием. Мы сражаемся рука об руку неисчислимы века, и моя нехитрая попытка обойти его смертность пока что не подводит; но что он получил взамен, мой последний истинный Ученик? Вечное одиночество? Страшное и неизбежное одиночество, несмотря на весёлую и устроенную

Долину, одиночество среди тех, кто вставал на многотрудный путь мага, достигал известных высот – и падал. Скажем, когда пришлось давить всё тех же Безумных Богов. А подобных мятежей ведь насчитывалось не один и не два. Ты отлично справлялся с ними, Хаген, вот только хитроумный Игнациус Коппер всё же сумел провести и тебя, и нас, составив свои заклятия.

И если бы не Ракот с его новообретённым Учеником...

Нет, неправильно, оборвал я себя. Мы всё равно вырвались бы. Просто тот способ оказался самым скорым.

...Дикие чащи покорно расступались. Твари Межреальности спешили убраться с дороги. Тропа сама ложилась под ноги. Когда же ещё говорить самому с собой Новому Богу, как не в такие моменты?

...Ямерт и присные, Ямерт и его родня, братья и сёстры. Эти вообще исчезли с наших глаз, нигде не рискуя ввязаться во что-то по-настоящему значимое. Ракот, помнится, отстаивал мысль, что само Восстание Безумных Богов от начала и до конца подстроено «компанией на «Я», однако меня он так и не убедил.

Восстали тогда те, кто при прочих равных вполне мог сделаться моими подмастерьями, и притом лучшими из лучших. А они – назвавшись богами – подняли целые народы, повернули оружие против нас, даже не зная, кто мы такие. Повернули просто потому, что не желали признавать над собой вообще никакой силы, ни «доброй», ни «злой».

А сколько ещё таких может появиться в бескрайнем Упорядоченном?

Хорошо идти через Межреальность, в одиночку, словно нарочно «нарываясь на неприятности», как сказала бы Си во времена Джибулистана и Голубого Города. Бездна сменяется вознёшшимися над головой (здесь нет «поднебесий») плоскими равнинами, потоки призрачной воды, в какой не промочить ног, устремляются к одной им ведомой цели.

Я возвращаюсь к Кипящему Котлу. Один, как и хотел. Быть может, наедине со мною он окажется поразговорчивее.

* * *

Вечность всегда рядом и всегда за поворотом. Вечность всегда будет ускользать от тебя капризной и ветреной красавицей, призывно взмахнувшей подолом яркой юбки над серой булыжной мостовой пыльного города. Мы привыкли думать об Источниках Магии именно как о «вечных», как о маяках, в самом прямом смысле этого слова.

Окружавшая Кипящий Котёл пропасть вновь открывалась передо мной, и не требовалось носить высокое и гордое имя Нового Бога, чтобы понять – после нашего с Си ухода здесь что-то изменилось, нечто незримое, чего не увидит даже мой глаз.

Нет, исполинский карниз по-прежнему тянулся, насколько хватало взора; по-прежнему распахивала голодный рот затаившаяся внизу пустота; замерли несокрушимые – или, во всяком случае, кажущиеся таковыми – врата самого источника.

Но что-то сделалось другим. Я ощущал чужие следы, странные, «ни на что не похожие», быть может, сказал бы кто-то другой; но нет, я отлично знал, на что они походят.

Здесь творилась волшба, изрядно смахивающая на чары моего собственного Поколения. Совсем юного, едва ступившего в мир и ещё только обживающего Замок Всех Древних, унаследованный нами от ушедших предшественников.

Мы были молоды, злы и веселы. Безжалостны. «Мир иль наш, или ничей», и никак иначе. Раз «предыдущих», «бывших» не стало, значит, так тому и быть. Их нет, есть мы и мы, конечно же, лучше! Иначе и быть не может, иначе их не заменили бы на нас!

Звёздный меч, меч из искорок Пламени Неунчтожимого, сам прыгнул мне в руку.

Я знал, я ждал. Неужто и впрямь Истинного Мага невозможно убить по-настоящему, можно только «изгнать» на некоторое время, а рано или поздно он всё равно выберется на поверхность?

Неужели наши с Сигрлинн и Ракотом сородичи несмотря ни на что избегли своей участи?

Никогда не говори «невозможно», особенно если тебя прозывают «Богом Равновесия». Кто знает, какие заклятия, какие путы и ограничения рухнули под натиском мечей Ордена Прекрасной Дамы?

Я остановился, ноги словно приросли к тропе. Память услужливо доставала из самых потайных уголков почти позабытые признаки былых чар, коими отличались мои сородичи. Я ощущал их далёкое эхо, подобно тому, как обычный человек чувствует щекой даже наилегчайшее дуновение ветра или ласковое касание солнечного луча. И уже не сомневался: да, где-то неподалёку отсюда в ход пошли заклинания, ведомые только моему Поколению.

Первой мыслью стало позвать Ракота. Но, поколебавшись, я вздохнул и отверг эту мысль. Когда доходит до столь тонких и неуловимых материй, привыкший к буре и натиску бывший Повелитель Тьмы помочь едва ли сможет.

Заклятия. Заклятия. Эхо свершённой волшбы. Нет, Читающие, постараемся разобраться без вас. Помни, Хедин, ты здесь, чтобы понять, что же случилось с Котлом. Если кто-то решил, скажем так, поговорить со мной лицом к лицу, что ж, я не против. Я устал от незримых врагов, старательно избегающих столь любимого Ракотом «честного боя» – всё-таки порой правоту Восставшего нельзя не признать.

Да, пусть приходят. Я готов.

...Врата послушно дрогнули, раскрывая исполинский зев. Со стороны, наверное, казалось, что крошечная живая песчинка, ничтожная в сравнении с исполинскими стенами и бездонными пропастями, медленно вползает в ждущее, вечно голодное чрево.

Внутри, за воротами, ничего не изменилось. Тот же серый камень под ногами, тот же сгустившийся мрак да алая точка Кипящего Котла далеко внизу.

Нет, конечно, оспорил я себя. Здесь побывали. Почти сразу после того, как отсюда ушли мы с Си.

А Котёл, похоже, моему появлению совсем не обрадовался. Мне всегда было легко во Тьме, дороги находились будто сами собой, а сейчас приходилось словно продираться сквозь густой, чернильный мрак, чтобы только увидеть самую чашу Котла.

Хедин Познавший Тьму, Истинный Маг, тот, что бродил по дорогам Хьёрварда и Межреальности, кто говорил с лунными волками и смертными шаманами, взыскав знания, тогда именовавшегося «запретным», наверное, обрадовался бы трудной задаче. Новый Бог, хранитель пресловутого Равновесия, только вздохнул. Предстояла долгая и, в общем, нудная работа – по ниточке распутывать клубки свободнотекущей магии, стараясь понять, что же пошло не так.

Тоскливый многоголосый писк. Опять эти летучие мыши, и вновь целая стая. Конечно, не просто «мыши», скорее всего – из низших демонов. Но вот что они тут делают, в очередной раз спросил я себя, и в очередной же раз не ответил.

Вместе с Сигрлинн мы спускались к Котлу в полной тишине, как и положено; а теперь мои шаги отдавались гулким эхом, словно надо мной смыкались высокие арки бесконечных анфилад.

Оставшийся в далёком прошлом Познавший Тьму уже бы остановился, сердито прошипев: «Ты идёшь напрямиком в ловушку!» – и принялся бы за правильную осаду, не забывая в то же время ограждать себя отпорными чарами.

Я вздохнул. Тогда было проще, куда проще. А сейчас – нет, иди, Новый Бог, избранник Упорядоченного или великого Орлангура или пусть даже самого Творца. Иди прямо, не опуская глаз, ты разом и приманка, ты и капкан.

...И на сей раз Котёл явил свой норов – и дурной нрав – куда раньше. Я не успел достичь даже серого кольца, где покоилась его чаша; по лицу резко хлестнула плеть ледяного ветра, а над самим Котлом – сейчас не скрытым никакими туманами – стали один за другим подниматься тысячи багряных огоньков, точно рой светляков.

Истинные Маги когда-то «поворачивали мир вокруг себя». Новому Богу в этом нужды не было, в нашей с Ракотом власти было возводить запруды и шлюзы,

направляя вечносущие потоки силы, куда потребно Равновесию. Это стало таким же привычным, как дыхание для простого смертного; и, только лишившись вдруг воздуха, ты способен понять, без чего остаёшься.

Котёл противился. Он упрявился, не желая расставаться с тем, что составляло его суть, его предназначение – творить и дарить силу, живородящее начало, перводвигатель всего и вся в Упорядоченном. Мутна вода в нём и черна цветом и нелегко – да что там «нелегко», невозможно! – полностью подчинить себе его мощь; но все бессчётные века, пока творимая пустота являла собой единственную защиту от вечно жрущей глотки Неназываемого, ни Котёл, ни Урд, ни источник Мимира никогда не противились нашей воле.

Потому что она была «волей Упорядоченного»?

Или они просто «подчинялись сильному»?

Я замер. Котёл – это не живое существо, не сущность, он не разумен, это просто источник, ключ, место истечения и перерождения великой силы, не имеющей ни конца, ни начала. Так его устроил Творец, отдавший нам свою искру, своё творение, и казалось, так пребудет всегда.

Что ж, неизменного не бывает. Боги сменялись богами и силы – силами; явились в мир Ямерт с роднёй, родился и Спаситель. Дальние, с кем сражались ещё Древние поколения Истинных Магов, перешли к открытой войне – может, и Источникам более не пребывать, неизменными?

Я раскрыл заплечный мешок, принявшись расставлять на сером камне многоцветные кристаллы самых причудливых форм. Альвы Хьёрварда, конечно, узнали бы «основу основ» своего искусства, но именно что «основу основ».

Наделанные (или лучше сказать «понаделанные»?) теми долгими и пустыми ночами в замке, пока Ракот шатался с чёрным двуручным мечом наперевес по варварским мирам, а настоящей, большой войны с козлоногими ещё не разразилось – кристаллы эти в чём-то, наверное, напоминали знаменитые шары Читающих. Я не могу не мастерить нового. Не могу не штурмовать поставленных мне пределов, пусть даже палаческим топором висит надо мною пресловутый закон Равновесия.

Подобно органным трубам, извлекающим звуки из продуваемого сквозь них воздуха, эти кристаллы отзывались на протекающую сквозь них силу. В общем, «ничего нового», как не без разочарования заметил Ракот, оглядывая мою коллекцию.

– Тавлеи у тебя, по-моему, лучше выходят.

Он не хотел, чтобы я закапывался, чтобы забивался в нору рабочего покоя, мой беспокойный брат. Названный, но тем не менее. Он бы мечтал, чтобы мы странствовали вместе, как в давным-давно ушедшей юности, ещё до Джибулистана и Голубого Города, ещё до Сигрлинн.

Тогда я отшутился...

Кристаллы расставлены. Горят, словно крошечные свечки, всеми цветами радуги. Иные светятся незримо для глаз простого смертного, иные чуть слышно звучат. Настоящий хор; и на самом деле похоже на орган.

Возле Урда эти кристаллы вспыхивали дивной и радостной симфонией, светло-золотисто-зеленоватой, солнце и молодая листва, дробящиеся в каплях воды лучи, шорох волн, набегающих на отлогий и тёплый песок; здесь же, подле Кипящего Котла, я ожидал фейерверка красного, алого, фиолетового, сумрачных цветов с тёмной стороны – но вместо этого кристаллы, все как один, мигом залило чернотой. Сплошной, непроглядной и непроницаемой. Звучащие камни захлебнулись, словно незримая рука грубо заткнула рты всем и каждому.

Котёл не желал говорить. Он хотел, чтобы его оставили в покое.

Чернота, вот мой ответ тебе, любопытный – человек, маг или бог, неважно. Ты берёшь мою силу, мою кровь, соединяешь в себе с рождаемым другими, но не требуй большего.

Прости, но я не могу, беззвучно ответил я так и не прозвучавшим словам.

Что ж, придётся идти долгим путём. Брать каждый кристалл и разбираться, что же вызвало такую тьму. Искать общее. Дело неспешное, медленное, требующее покоя и сосредоточенности.

Нет, любезный, мысленно сказал я. Хедин Познавший Тьму отсюда так просто не уйдёт.

* * *

Тело, человеческое тело, которое мы привыкли носить – сперва как одежду, потом как манифестацию нашего бытия. Я вытер проступивший пот – у Кипящего Котла и впрямь становилось жарко. Ледяной ветер стих, над чашей поднимался туман, постепенно сгущаясь, его то и дело разгоняли мои заклятья. Источник окружало тройное кольцо моих кристаллов, большую часть по-прежнему заливала тьма, но меньшая начинала оживать, являя, однако, совсем не то, к чему я привык. По блестящим граням змеились белые ветвистые молнии, медленно ползли многоногие серые пятна, похожие на громадных мокриц. Все знакомые признаки и ответы куда-то исчезли; иной маг, быть может, сказал бы, что «сила сошла с ума».

Сила, конечно же, с ума не сошла. Над острыми вершинами кристаллов, над заточенными гранями дрожали и таяли отрывистые видения, многоколонный зал, залитый мраком, чёрный куб, ещё чернее и непрогляднее окружающей темноты, и смутные очертания фигуры на этом кубе, узкие прорезы горящих красным глаз, сейчас почти закрытых не до конца сомкнутыми веками.

Это было мне знакомо.

Известный нам с Ракотом старший из поколения Новых Магов, известный под одним-единственным прозвищем Чёрный. Обожал громкие слова и красивые жесты. Восседал на агатовом кубе во тьме невесть сколько веков, пребывая «во сне», как утверждал. Потом способствовал прекращению безобразий, учинённых его сородичами в Северном Хьёрварде, насылавшими орду разнообразных чудовищ на лесных поселян. Потом... потом пропал, скрывшись от наших с Ракотом взоров. Тем не менее ни в чём предосудительном его обвинить бы не получилось – он и близко не подходил, скажем, к Эвиалу, пока там орудовали кое-кто из его братцев и сестричек.

Вот только почему он появляется здесь, в видениях подле Кипящего Котла?

Работа мага, особенно Мага Истинного – задавать вопросы. Работа Бога – на вопросы отвечать. В этом вся разница. Как утверждают некоторые, «пренебрежимо малая». Вопросов у меня, пока сидел подле Кипящего Котла, накопилось на несколько вполне пристойных «пророческих книг», а вот ответов... Четырёхглазый Дух Познания, полагаю, остался бы доволен.

Источник Магии совершенно точно не желал больше ничего отдавать. Сила по-прежнему исходила из него, но... меньше, чем следовало. Словно Кипящий Котёл и в самом деле стал... выкипать. И показывать дно.

Куда девалось недостающее? Мне казалось, что удаётся нащупать уходящую сквозь изнанку Межреальности ниточку, чем-то напоминавшую след, оставленный Дальними, когда Эйвилль удалось на него напасть.

Тут мне на миг стало совсем скверно, потому что если мои обожатели зелёных цветов дотянулись каким-то образом до силы Источников... то нам с Работом только и останется, что приняться за поиски нового Упорядоченного.

Шутка, конечно же.

По старой памяти я записывал, записывал всё, случившееся подле Кипящего Котла. Едва ли эти страницы смог разобрать хоть кто-нибудь, кроме Сигрлинн и Работы (ну и ещё, конечно, Мерлина, останься он жив), всю эту мешанину странных символов, частично – придуманных ещё Древними, частично – Мерлином, а ещё частью – мною самим, когда выяснилось, что описательного арсенала для той же Тьмы просто не существует.

Привычка, въевшаяся даже не в плоть с кровью.

Котёл меж тем презрительно и недовольно фырчал, булькал лопающимися пузырями, вновь окутываясь клубами сероватого плотного пара, словно ему донельзя претило само соседство с настырным «богом».

Сила уходит, это точно. Словно вода из прохудившегося ведра... нет, конечно же, нет. Кипящий Котёл сам порождает магию, вбирает в себя, и – вновь выпускает на волю. Вечный круг. Вечное преобразование. Вечный двигатель, единственный, какой только возможен – первотолчок Творца. Для нас это есть вечность, а для Него – для Него был только один слепящий и яростный миг,

совершенно непредставимый для тех, чьё существование растянуто во времени.

И вот теперь Котёл часть себя направлял куда-то «вниз». В неведомую изнанку Упорядоченного, в те «слои реальности», что не реальны даже для нас с Ракотом.

Едва ли сильно ошибусь, сказав, что Источнику это нравилось не сильно.

Волны возмущений расходятся далеко. Сбоит настройка великих потоков, исполинских струн, протянувшихся через всё Упорядоченное – и мои кристаллы заливают чернотой вместо положенного многоцветья или хотя бы зловещего багрянца, но багрянца естественного, положенного изначально.

Словно сухая рука мертвеца-зомби, тянет и тянет Котёл с его исконного места. Я вижу, как искажаются познающие чары, как, изломанные неправильным отражением, они заставляют скручиваться и гнуться, словно ветки, мои кристаллы, что, казалось бы, твёрже твёрдого.

Я не вижу дна, куда устремляется этот поток, не могу различить, кто же устроился там, на другом конце этой жуткой пуповины. Гнев поднимается неуклонно и необоримо, мешает видеть и думать – то, что я вижу, кажется мне чуть ли не хуже того, изначального Ракового заклятия.

Кто бы ни сотворил эти заклинания, что бы ни свело с ума Кипящий Котёл – он обрекал всех нас, всё Упорядоченное. Неназываемый, как сказали бы барды,

В логове тесном

рёвом великим

весть подаёт,

падают сосны;

чрево чудовища

чёрно, пусто,

и вопиет;

пиром обильным

настало смирить

зверя утробу. —

и так далее.

Кто бы это ни сделал – Ямерт, Дальние, какие-нибудь слуги Спасителя или ещё кто, – нас они этим обрекли на верную смерть. Может, потому Мимир и исчез, что не дал им сотворить нечто подобное со своим источником, а без него даже эти мастера не справились с родником, именуемым «истоком Мудрости»?

Пот срывался с висков крупными каплями. Дыхание сбилось. Моё человеческое тело, несмотря на всю, гм, «божественность», имело свои пределы. Да, его можно сбросить, как одежду. И, подобно простому смертному, оказавшемуся без тёплого плаща и стёганных портов студёной ночью, заработать «обморожение».

Несмотря на пот, который вроде бы «от жары».

Глупец, ты гордо решил, что «справишься сам», потому что кто ж ещё, кроме тебя, «познавшего тьму»?

Я тянулся и тянулся вниз, вдоль уходящей в небытие нити, стягивающейся в тонкий, наитончайший волосок. Тянулся, позабыв обо всём, словно Истинный Маг, тот самый, что сдвигал некогда пласты реальности, когда в жалкой лачуге нищенки рождался мой последний настоящий Ученик...

Тогдашняя моя попытка обернулась настоящим штормом в Межреальности, да таким, что с ним едва справился весь тогдашний Совет Поколения.

...А теперь всё началось с того, что лопнул один из моих кристаллов, покрылся трещинами и рассыпался в пыль другой. Нарастало басовитое гудение, а где-то высоко над головой в ужасе метались истошно верещащие летучие мыши; и то одна, то другая из них вдруг складывали крылья, неживым камнем обрушиваясь в бездну.

Нет, не пробиться. Слишком... глубоко, не хватает дыхания; меня словно подбросило невидимой волной, вышвыривая обратно на серый камень, к окутанному туманом Котлу. Взгляд мой затуманило, и, наверное, именно

поэтому я вдруг увидел исполинский – и призрачный! – корень, заполняющий пропасть вокруг нас.

Тянулись, жадно подрагивая, истончающиеся отростки, на них оседали капли тумана, почти мгновенно всасывающиеся тёмным нутром, и тогда вверх по корню проходила короткая судорога – точно змея торопилась проглотить добычу.

«Мутна вода в нём и черна цветом. И питает он первый корень...»

Тяжело дыша, едва втягивая воздух сквозь стиснутое спазмом горло, я глядел на открывшееся мне и не верил. На краткий миг приоткрылись врата – мне, Богу! – туда, куда, выходит, вполне могли добраться людские колдуны или гоблинские шаманы.

Кристаллы мои гибли, один за другим, словно доблестные солдаты; серые плиты засыпало осколками, чёрными и острыми, и все они почему-то замирали остриями вверх, словно заточенные шипы во рву, ожидающие вражьего воинства. Котёл нехотя расставался со своими тайнами.

Дрожа, расплывался и таял явившийся мне призрак огромного корня. Куда он вёл, к какому «свету изначальному»? И что же теперь, остаётся только проследить?..

В миг, когда видение исполинского корня угасло окончательно, из Котла вырвался настоящий гейзер кипящей чёрной влаги. Лопнули с жалобным не то стоном, не то вскриком немногие остававшиеся из моих кристаллов, и сам я распростёрся на камнях; а над моей головой забушевал шторм, очень напоминавший тот самый, что сопровождал явление в мир Хагена, моего последнего Ученика.

Хорошо и славно, когда есть сила, с которой можно сойтись грудь на грудь; достойно Бога встать на пути силы, что кажется неодолимой; для того Упорядоченное и держит нас, вручив ключи от рек магии. Давно забытое ощущение поднималось в груди, грело и томило – да, именно так чувствовал я, когда совсем молодым, по меркам Истинных Магов, выходил на первые свои сражения.

Ярость Котла, буйство чистой и незамутнённой силы, силы, не осквернённой никакими заклятиями, изначальной крови моего Поколения – это хорошо, это привычно, это знакомо. С подобными бурями хорошо управлялся в своё время Совет Поколения, ну а теперь я справлюсь и сам. И взбесившиеся незримые валы не причинят никому ущерба, растратив всю мощь на бесплодный штурм возведённых преград, пока всё не войдёт обратно в привычное русло.

Знакомо. Изведано. Понятно.

...Но я так и не смог ни достичь сокровитного дна – того самого, куда тянется нить из Кипящего Котла, ни подняться наверх, по таинственному корню, якобы питающему Мировое Древо. Древо, которое никто никогда не видел.

Я, конечно, имею в виду тех, кто мог рассказать об этом что-то связанное и проверяемое.

Извергаемая Котлом сила завивалась прихотливыми узлами, стягиваясь в подобие исполинского многоглавого дракона. Незримая, темнее самой тёмной тьмы и светлее самого яркого света, ощущаемая совсем не глазами, она заполняла чертог Кипящего Котла, всю его кажущуюся беспредельность, подобно змее, кусающей собственный хвост.

Тьма, мой всегдашний союзник, якобы «познанная» мной, если судить по самонадеянно взятому давнему титулу; она сейчас оборачивалась против меня, впрочем, она обернулась бы сейчас против любого, случившегося в чертоге Кипящего Котла.

Сотканный из огненной пыли, из частичек Пламени Неунничтожимого меч оказался у меня в ладони. Путь Ракота, не Хедина, однако утончённые заклинания сейчас уже не работали и сработать не могли – как не могли они сработать, когда Хаген только вступил в этот мир.

Опасно, смертельно опасно сталкивать первородные сущности в открытом противоборстве; всё искусство Истинного Мага как раз и направлено на то, чтобы избежать подобного.

...Всё-таки века существования в качестве «приходящего на помощь» сказываются – они да ещё вера, что даже эти силы, вырвавшись на волю,

не успеют покончить со мной одновременно.

Мяло, рвало, вжимало в серый камень. Я давно отвык от боли, от истинной боли – сейчас настал её черёд. Когда я странствовал, лишённый волей мерлиновского Совета власти над огнём, подверженный холоду и голоду, когда мне приходилось сражаться за жизнь своего тела кулаками и зубами – та боль оставалась обычной, болью плоти. Во плоть мы облеклись собственной волей. Мы могли сбросить телесную обложку, возымея такое желание, не она поддерживала в нас жизнь. Добираясь до незримой сути, нашего астрального естества – кто-то назовёт это «душой», но разве могут Истинные Маги – коих Время не смеет волочь за шиворот пыльной дорогой бытия – разве можем мы именовать это так же, как прочие смертные или бессмертные?

Меч полыхал – и зримым, и незримым светом. Видящие в ночи существа поспешили бы прикрыть глаза или отвернуться, настолько ярко сиял он, и это сияние вонзилось в первородный мрак, подобно изначальной искре Творца, разгоняющего исходный Хаос.

Котёл был в ярости. Тьма в ярости. Их невидимые зубы неведь как, но прорывались сквозь мою защиту – и я уже слепо рубил направо и налево, рассекая впившееся в меня нечто, сотканное из мрака и пустоты, оживлённое сошедшей с ума силой, извергаемой осквернённым Котлом.

Одежда на моём человеческом теле дымилась и вспыхивала, и само тело покрывалось ожогами, но завязавшиеся магические узлы, которые мне так и не удалось распутать, я просто рубил. Звёздный клинок послушно удлинялся, находя очередное сплетение, ещё один сгусток мрака.

Я побеждал. Побеждал, но побеждал не так, не по-Хедински. Подобное скорее подошло бы Ракоту – сила против силы, оружие против мощи, грудь на грудь.

...Но вот разрублен последний из узлов, отчаянно бурлящий Котёл стал успокаиваться, и извергаемая им сила вновь течёт ровно, не встречая преград – однако «вниз» от великого источника по-прежнему тянется тёмная пуповина, и даже мой меч, выкованный из частиц Пламени Неуничтожимого, не в силах её разрубить.

И это не «путь Хедина». Рубить и крушить – удел Ракота, вернее, миф, коий он сам о себе создал. Когда надо, брат умеет медленно и осторожно распутывать самые сложные узлы. Вот и здесь, рубя и круша, ничего не сделаешь.

И это самый сложный выбор, как мне казалось в былые времена, который предстоит совершать Богу – когда крушить, а когда исправлять.

Оказалось, само собой, не так. Главный выбор крылся совсем в ином, привычно ускользая и не давая осознать себя. Я всё старался, искал, ставя задачи и проговаривая возможности; но главное всё равно не давалось: в чем цель моего служения Упорядоченному. Только ли в том, чтобы сохранять его от поглощения Неназываемым или учиняемых Дальними безобразий? Только ли в противостоянии Спасителю, которое, на деле, ещё и не началось?.. И чем дальше, тем больше Бог Равновесия Хедин, бывший Истинный Маг, не знавший ни матери, ни отца, а лишь своё Поколение, становился похож на ярмарочного клоуна, танцующего на проволоке.

Приходилось выдвигать и такое...

Танец на проволоке. В клоунском колпаке и нелепых башмаках. И оба конца протянутой над пропастью нити утонули в глубоком, непроглядном тумане...

...Тяжело дыша, я распростёрся на камнях. Сила текла ровно, почти невозмущённо, почти, но не настолько, как следовало. Граница остановится на время, Неназываемый придержан – но только придержан.

Потому что хворь Котла не излечена. Мне предстояло добраться до конца чёрной пуповины, не просто разрубив её, не просто заткнув незримую пробоину, но докопавшись до первопричины, до того изначального, что сделало само появление тёмного ответвления возможным.

Не так уж важно, в конце концов, кто додумался устроить это. Слуги Дальних, подручные Ямерта и его сродственничков, сами Падшие, новая инкарнация тех, кто поднимал мятеж Безумных Богов – до этих затейников мы доберёмся рано или поздно. Доберёмся и победим, как не раз побеждали в прошлом. Они проявят себя, сами полезут на рожон, как все, даже лучшие и хитрейшие из наших противников – Дальние.

Но вот заклятие, поразившее Котёл, его несовершенство, его болезнь исправить куда важнее.

Что ж, нас с Ракотом ждёт достойное дело. Нас двоих – Си тут уже один раз побывала, и не знаю, что стряслось бы, окажись мы тут сейчас вдвоём.

Нет. Я терял тебя дважды, Си, и третьего уже не будет.

Я вздохнул, кое-как приводя в порядок плащ и медленно, с кряхтением, поднимаясь. Котёл не любит сильных, он сам – сила. Он может шутить шутки, может внушить невесте что; мне вспомнился акробат на проволоке.

Надо видеть свои слабости, но нельзя забывать и о силе.

Меня ждала дорога обратно, а потом – возвращение. Но это уже должно было быть совсем иное возвращение.

Глава II

Гелерра, Аррис и другие

Пусть горят миры, пусть рушатся небеса, ученики Великого Хедина пойдут вперёд несмотря ни на что. Это наш долг, наше право. Наше высокое право. Мы нечасто говорим об этом вслух, как-то не принято. Мы, Его ученики – последний рубеж, что отделяет порядок от Хаоса, жизнь от смерти и свет от тьмы. Мы стражи Упорядоченного, мы гонимые псы Равновесия. Мы оставили родные миры, нашим домом сделалось Обетованное. Мы привыкли странствовать под причудливыми небесами и сражаться с диковинными, небывалыми врагами.

То, что мы сделались воинами – не выбор великого Хедина, аэтероса, как зовут его эльфы, или гаррата, как он прозывается среди гномов. Мы не нападаем первыми, мы защищаемся и защищаем.

Великий Хедин не любит, когда мы возглашаем ему хвалы. Он сердится, брови его хмурятся и лоб разрезают морщины. Он скромный, и, наверное, зря – он дал

нам всем великую цель. Нет, не дал – мы обрели её сами, – но вывел на торную дорогу.

Он раскрыл пред нами ослепительные вереницы миров, явил ужасающие в своём великолепии бездны и пропасти Упорядоченного, и несказанный – но до чего ж завораживающий! – кошмар Хаоса. Он дал свободу заключённым в нас талантам, помог сделаться теми, кто мы есть сейчас.

И как же нам не любить его после этого? После всех милостей, всех даров и благодеяний? Мы прослыли бы последними подлецами, не отдавай мы великому Хедину, Познавшему Тьму, должного.

Ты научил нас многому, но прежде всего – не лгать самим себе. И я не лгу. Я долго бежала этой правды, пока не призналась – да, великий Хедин, твоя Гелерра любит тебя. Как бога и как мужчину.

О, как же страшно сделалось, когда она впервые произнесла про себя эти слова! Разве можно любить идеал, разве можно в жарких мечтах представлять себе твои объятия, Познавший Тьму? Ведь ты не просто мужчина, не просто маг, пусть даже Истинный – ты Бог. Ты столп Упорядоченного. Как дерзаю я любить тебя?..

Спроси меня, но я не отвечу. Я не знаю, как это случилось, как вошло в мою жизнь и сделалось частью моего бытия. Правильно это или нет, дозволительно, нет ли – оно есть.

...Гарпия Гелерра заложила круг, снижаясь над лагерем своего отряда. Она могла гордиться – мышь не проскочит, комар не пролетит. Ров и палисад, ловушки простые и магические, следящие кристаллы, тройка морматов в дозоре, гномы готовят огнебросы – они их всегда готовят, по-иному Арбаз, наверное, просто не умеет. Тёмные эльфы Арриса вечно подтрунивают над скрупулёзностью Подгорного Племена, уверяя, что утыкают стрелами любого гнома, пока у того ещё и запал не сработает, но никакие стрелы, даже приправленные магией, не сравнятся с разрушительной мощью гномьих бомбард.

Гелерра не скрывалась. Её дело другое: выманить врага на себя, заставить атаковать, растратить силы, штурмуя возведённые учениками Познавшего Тьму

укрепления. Внизу, в темноте, остались её соратники – гном Креггер, Аррис и Ульвейн, друзья-соперники, тёмные эльфы, Омаин, тоже эльф, но уже светлый, другие... Самые разные расы, но один язык и одна цель.

Там, на равнине, перед устьем ущелья, чужие колдуны всё открывают и открывают сияющие праздничными огнями арки порталов. Сквозь них валом валят быкоглавцы, несчастные, если разобраться, создания, гонимые на убой. Обманутые. Им обещана славная битва, добрая добыча или достойная война смерть. Последнюю они и обретают...

Этому надо положить конец. И не просто вывести, куда ведут тайные тропы, не просто изловить ловких чародеев, так хорошо наловчившихся соединять миры короткими переходами – но и сделать это так, чтобы не потерять ни одного соратника.

Да, все и каждый готовы умереть по слову великого Хедина, для того чтобы жило Упорядоченное. Но аэтерос глубоко и тяжело скорбит по каждому погибшему из своих учеников, и потому победа должна быть бескровной.

Народ Гелерры, крылатые адаты, относились к смерти далеко не так трепетно. Своего черёда не миновать никому, говорят, даже эльфы и те не истинно бессмертны, а всего лишь долгоживущи; и, если дело требует крови, отдай её, ничего не прося взамен. Гарпии жили так испокон веку, грудью прокладывая дорогу клиньям своих стай в вечно-грозовом, изрыгающем молнии небе, и не знали, как может быть по-другому. Над павшим товарищем не положено грустить, надо свершить добрую тризну, с почётными поединками лучших бойцов, чтобы дух ушедшего не скорбел бы, видя излишнее горе друзей.

Так или иначе, она выполнит приказ. Она не просто разгромит атакующих быкоглавцев, она доберётся до открывающих им дорогу колдунов. Любой ценой – любой! – надо взять хоть кого-то живым. Аррис с Ульвейном способны, если очень нужно, заставить говорить даже свежие трупы, но Учитель этого очень не любит, очень, и она, Гелерра, прибегнет в подобном только в самом крайнем случае.

Ну где же вы, быкоглавцы, где ваши союзники-колдуны, с дикой, дремучей, но могущественной магией? Это не ваша война, Учитель не угрожает вашим домам, где бы они ни лежали. Вы сражаетесь храбро и умело, но всё равно исполняете

чужой даже для вас самих приказ. Таким, как вы, нечего тут делать. Самое лучшее – объяснить вам, что здесь нечего делать вашему племени, что надлежит вернуться домой, к оставленным пашням и пажитям, а ещё лучше – покаяться в своих грехах перед великим и милостивым Хедином. Но вместо этого вы бросаетесь в бой очертя голову, прямо под стрелы эльфов и огнебросы гномов, под кривые ятаганы орков, под заклятия всех нас, учеников Познавшего Тьму, – и гибнете. Глупо, зря, ненужно. У вас ведь наверняка остались семьи, дети... вы совсем забыли о них?

Да, это Хьёрвард, мир Учителя, мир, где он сражался, где строил свою Ночную Империю, мир, где давным-давно, за многие века до последней схватки, укрепились Дальние. Загадочные, непонятные, противоречивые. Им было всё равно, что говорить – правду или ложь, – лишь бы это вело к достижению цели.

С ними невозможно заключать соглашения и верить на слово. Нет таких клятв, что действительно значили бы для них хоть что-нибудь. Учитель мимоходом, нехотя, упоминал, что с эльфкой-вапмиршей Эйвилль случилось что-то очень, очень нехорошее – после того, как она, Гелерра, подобрала в Межреальности обломок зеленоватого кристалла, что нёс на себе явный отпечаток упырьей магии. Вампирша сжимала его в свои последние мгновения – пока вырвавшееся из Эвиала чёрное копьё не смело Эйвилль, оборвав её странное и противоестественное, с точки зрения самой Гелерры, бытие.

Что она там делала? То же, что и сама Гелерра, вместе со своими спутниками, включая Старого Хрофта?..

* * *

Ночь стремительно катилась с востока, день покорно угасал, на чистом и безоблачном небе вспыхивали звёзды. Стих ветер, всё замерло, остались лишь тёплые летние сумерки. Высоко-высоко, под самой Луной, промелькнула стремительная крылатая тень, и Гелерра усмехнулась – местные драконы вышли на охоту. Или нет, она ошиблась, это не настоящие драконы, существа древние, могущественные, мудрые, но при этом же – злопамятные, капризные, непредсказуемые и вечно голодные. Под Солнцем Мёртвых пролетел драконейт, молодой недодракон, изгнанный истинными драконами из гнезда, как неспособный встать вровень с ними. Именно этим дурным отпрыском раса драконов и обязана своей недоброй славой – те драконейты, что

посообразительнее, не зная, на ком сорвать злость, как раз и занимались похищениями принцесс да накоплением бессмысленных гор золота. Истинным драконам благородный металл требовался для их изощрённой магии – драконейты только и могли, что валяться на невесть зачем собранных грудях сокровищ.

Гелерра позволила себе проводить несчастного недодракона взглядом, не лишённым сочувствия. Вот такие вот глупцы вечно и попадаются в сети алчным колдунам, неугомонным властолюбцам-королям, жрецам-провозвестникам скорого конца света и тому подобным созданиям, от которых в Упорядоченном порядке совсем не прибавляется. Раньше Гелерра даже недоумевала, почему Учитель не покончит с этим отребьем, если потом всё равно приходится вступать в дело им, его Ученикам?

Понимание пришло совсем недавно. Учитель, Хедин-Милостивец – как и брат его, Ракот-Заступник – не указывают никому, как им жить, в отличие от слуг этого «Спасителя», при одном упоминании которого меж бровей аэтероса залегает глубокая складка. Кровожадные чародеи, жадные правители, безумные пророки – с ними люди и не-люди должны справляться сами.

При известной помощи Учителя, конечно же, но, в общем – сами.

Драконейт пролетел и скрылся. Где-то завтра поутру недосчитаются коров в хлеву или овец в кошаре. Огромные когти без труда размечут лёгкие жерди крыши, пасть изрыгнёт огонь, мощные челюсти перемелют подгорелые, обугленные туши вместе с кожей, костями, рогами и копытами. Драконейтам всё равно.

И не так ли «всё равно» и тем, против кого Учитель посылает её, Гелерру, и другие свои отряды?

Гарпия сложила крылья, камнем рухнула к земле, шевельнула плечами, вновь являя ночи белоснежные маховые перья, стремглав пронеслась над лагерем.

Ночь приходит. И ученики великого Хедина вновь обратятся к своему Учителю.

Кто-то называет это «обрядом», хотя на истинное поклонение богам это, конечно, ничуть не похоже. Никто не бьётся челом оземь, никто не бормочет

бессвязных молений, не унижается и не унижает.

Адата мягко коснулась земли, не подняв и мельчайшего облачка пыли. Дозорный мормат отсалютовал, проделав щупальцами какое-то донельзя вычурное движение; Гелерра ответила, приложив раскрытую ладонь к сердцу и отведя затем в сторону, словно открывая душу другу и соратнику.

Пора, пора. Смотрят с небес внимательные звёзды, смотрят духи и призраки, смотрит ночной народец, телесный и бесплотный, привыкший вредить разумным.

Пусть смотрят. Пусть завидуют.

Их ведь, пожалуй, даже и жалко.

Никто никого никуда не звал, не приказывал и не принуждал. Гелерре не требовалось слов. Просто по всему лагерю один за другим вставали эльфы, гномы, люди, орки, гоблины...

Посреди лагеря полыхал большой костёр. Соратники Гелерры не скрывались. И не боялись внезапной атаки.

Где-то рядом негромко вели мелодию эльфийские арфы и лютни. Перворождённые поют – впрочем, они всегда поют. И, конечно же, о великой, неземной, непредставимой любви. На меньшее они не согласны.

О любви славно могли спеть и сородичи Гелерры, однако если у крылатых обитателей поднебесья любовь в песнях всегда кончалась свадьбой и полётом вдвоём сквозь молнии, – то у эльфов всё оборачивалось трагедией и расставанием, а то и смертью. Такие уж они, Перворождённые – не могут без высоких слов и чувств. В отличие от орков-варлоков, во всю глотку распевающих что-то своё, изрядно жутковатое. Порой они переходили на общий для учеников Познавшего Тьму язык, и целомудренная Гелерра всякий раз густо заливалась краской, ибо орки прославляли исключительно свои постельные подвиги со всеми деталями. Зачастую пелось там и про то, как нежная эльфийская дева, возжаждав горячих плотских утёх, предпочла утончённому сородичу грубоватого, но способного порадовать её орка.

Правда, стоило поблизости оказаться эльфам, как орки мигом переходили на свой собственный язык. Разумеется, ученики Аэтероса все владели самыми разными языками, но неписанные правила приличия позволяли эльфам в этом случае притвориться, будто не понимают слов.

Кто поёт, кто разлётся у огня, кто возится с оружием... Обычная, казалось бы, картина для воинского лагеря. Да, обычная, но не слишком – потому что никогда ещё в пределах Упорядоченного не собиралось под одним стягом выходцев из такого множества племён и рас.

В короткий час меж закатом и тьмой, на грани вечерних сумерек, мысли невольно обращаются к тому, что за гранью. За окоёмом, за горизонтом, за краем бытия. И там, за этой гранью, для каждого в отряде Гелерры вставала исполинская фигура Познавшего Тьму. Аэтероса, Старшего, как звали его эльфы. Такого близкого, понятного, всегда спокойного, в простой одежде, безо всяких «огненных мантий» или «волос из пламени». Человек, с которым они сражались рядом. Могучий маг, способный сотворить заклятие, от которого содрогаются миры. Всё так. Но магов – и притом не из слабых – хватало; иные стояли в одном строю с Гелеррой, против иных ей доводилось биться насмерть. Хедин же...

Познавший Тьму был Богом. Богом, не просто магом. Великим, таинственным и непонятным. И этот раскол – между тем немного усталым, скупко улыбающимся человеком в сером плаще, которого ученики привыкли видеть в Обетованном или на бранном поле, и тем, чем он был в действительности, – потрясал воображение.

Ученики часто вспоминали Аэтероса. «Хвала Познавшему!» или «Слава Хедину!» частенько можно было услышать в лагере. Да и как же не благодарить его? Ведь именно благодаря ему все они, его ученики, стали теми, кто они есть.

Они тянулись к неведомому, каждый по-своему, но тянулись. По двое, по трое. Кто-то благодарил, кто-то просил удачи и защиты ради победы общего дела, кто-то просто шептал про себя его имя, полузакрыв глаза. Пары и тройки становились десятками и дюжинами, ученики невольно тянулись друг к другу – они привыкли вместе идти в бой, и в неведомое тоже направлялись рука об руку. Находился кто-то, искусный в речах, облакавший мысли и чувства других в понятное многим слово.

Жаль, мельком подумала Гелерра, что мы, Его ученики, вечные странники, что нет у нас своего собственного мира, где мы могли бы возвести Ему достойные хранителя Упорядоченного храмы. Про Обетованное не приходится даже и мечтать – Аэтерос никогда не позволит там такого. Да и его брату, Ракоту, это тоже бы не понравилось.

Вот и сейчас – к костру собралось, наверное, до сотни её товарищей. Кто-то, она знала, предпочтёт тишину и одиночество, кто-то просто скажет «Хвала Хедину великому, побеждающему!», кто-то станет горячо благодарить за всё, за совершенно иную жизнь, за честь, за славу – однако они, сошедшиеся к огню, вспомнят павших друзей, и мыслями устремятся к тому неведомому Богу, что незримым для других исполином возвышается за спиной так хорошо знакомого всем Познавшего Тьму, в котором, на первый взгляд, нет ничего ни загадочного, ни таинственного.

Да, он кажется совсем близким и простым. Таким, что можно любить не как Бога, но как мужчину. Пусть даже совершенно безнадежно и тайно...

Взвивались языки пламени, рядом с Гелеррой оказался Аррис, чуть улыбнулся. Собравшиеся у огня ученики Познавшего брались за руки, потому что они – едины, всегда вместе, и в этой жизни, и за её гранью.

– Хвала Хедину, – негромко выдохнула адата, и ей тотчас ответили десятки голосов.

– Хвала... хвала... хвала...

Нет затверженных канонов и обрядов. Нет священных книг и подлежащих заучиванию текстов. Мы устремляемся мыслью к Учителю, скорбим вместе с ним о павших – не зря же есть где-то у него тайный храм, куда удаляется для размышления сам Аэтерос, храм, посвящённый Третьей Силе, и где хранится память обо всех, кто пал, служа благу Упорядоченного.

– Хвала Хедину, собравшему нас. Хвала ему, на своих плечах держащему всю тяжесть миров. Хвала силе его, и воле его, и его трудам.

Без хвалы ему, благому, не обойтись никак. И, как обычно, горло Гелерре сдавило от подступающих слёз. Учитель, Учитель! Мы любим тебя, всем сердцем.

И я тоже – и как Бога, и как отца, и как мужа, и ничего не могу с этим поделаться. «Прости меня, прости! – жарко вспыхнуло в груди. – Я знаю, ты любишь другую. Великую и ужасную Сигрлинн, чародейку, а, может, богиню – Гелерра не знала точно. Даже приближаться к ней было страшно. Гарпия не страдала трусостью, но при одном виде Сигрлинн по внутренностям растекался леденящий холод. Она ровня тебе... ну, или почти что ровня. Но я... я... я всё равно буду любить тебя. Ты вынес меня на руках из кирддинской ловушки, и я навсегда запомнила прикосновение твоих ладоней. А ещё ты как-то положил руку мне на плечо, говоря ласково и с заботой, и это я не могу забыть тоже. Быть может – наверняка! – ты сделал это потому, что любишь всех нас, своих учеников, точно детей... но я всё равно не забуду случившегося».

– Хвала Хедину, Победителю, Побеждающему! Ты дал нам силу и указал путь. И мы, твои ученики, с него уже не свернём.

Наверное, многим сейчас видится Учитель, встающий в огне и пламени костра. Без него, наставника и управителя, в пепел обратится всё Упорядоченное. И даже Ракот, великий воин, ничего не сделает один.

– Хвала Хедину, Победителю, Побеждающему!

Единый последний выдох. Хвала Победителю и Побеждающему. Пребывающему таковым вовеки веков. Слава, слава, слава и трижды хвала!

Рядом что-то пробормотал Аррис, что именно – Гелерра не разобрала. Впрочем, тёмный эльф последнее время именно при таких обстоятельствах казался озабоченным, думая явно о чём-то другом.

Костёр, взметнувшийся при последних аккордах прямо к небесам крутящимся столбом яростного рыжего пламени, стремительно умирал, рассыпаясь чёрной золой и быстро отдающими жар углями.

Руки разжимались, ученики Хедина медленно пятились, отступая. Гелерра очень, очень постепенно складывала крылья, буквально «по пёрышку».

Наставало время ночной стражи, а всем прочим следовало отойти ко сну. Завтра, почувствовала гарпия, им предстояла славная битва.

* * *

Она и её собратья дрались – ученикам Мастера это привычно. Сражаться приходилось много – именем Учителя, на благо всего Упорядоченного, за продолжение жизни. Его ученики – не наёмники, война – важное, но не единственное их дело. Они дрались в особом, не похожем ни на какие другие мире – и тут тоже ничего удивительного. Однако на сей раз они дрались в мире, где Учитель прожил целую жизнь, в мире, который считал когда-то своим домом.

Мир назывался Хьёрвард.

Высокая честь, особая честь. Особый мир, из него – вроде бы – помимо всего прочего, начинается тропа к Лунному Зверю. Учитель доверил ей биться там, где стояли его собственные крепости и проливали кровь его собственные армии, в мире, с которого начался его путь, путь, приведший к престолам Обетованного и титулу Нового Бога.

Неудачи не должно быть.

И её не будет.

Они в Хьёрварде, в заветном мире. Здесь в незапамятные времена возвышались твердыни Учителя, здесь аэтерос собирал первые полки своих учеников, выводя их на битву с Молодыми Богами. Глупцы, жалкие и надменные. Они не поняли волю Упорядоченного, противились ей до конца, едва не отправив всё сущее в пасть Неназываемому. Они пали, и поделом. Ни чуточки не жалко. Даже «кроткую Ялини». Если она такая кроткая, то почему не встала рядом с Учителем, почему не подставила плечо? Значит, «родня» оказалась ближе, чем истинная правда, и чего такую жалеть?

Как обычно перед сражением, Гелерра не могла спать. Впрочем, адата и не слишком нуждалась во сне. Главным завтра окажется не потерять ни одного из братьев и сестёр по воинству Учителя. Выиграть бой так, чтобы враг не просто был бы разбит, не просто бы устрасился – нет, так, чтобы уцелевший неприятель пал бы в ужасе на колени, умоляя великого Хедина простить им их заблуждения, вольные или невольные.

И Учитель, конечно же, простит. Простит, но велит явить истинное рвение в исправлении содеянного. И это тоже будет хорошо.

Гелерра прикрыла глаза, заворачиваясь в крылья. «Как же я счастлива, – беззвучно повторяла она себе. – Да, это истинное счастье. Я защищаю Упорядоченное, всю его беспредельность. И на плече моём – тень руки Учителя. Да, я люблю его, буду любить всегда, но... если он вдруг бы ответил мне взаимностью... нет, нет, это оказалось бы чересчур. Я сгорела бы, вспыхнула бы и распалась пеплом в единый миг, хотя наше дело, которому мы служим, требует меня всей, всех моих сил и умений. Нет, пусть всё останется так, как есть. Я понесу имя Учителя до самого дальнего предела Упорядоченного, ободряя растерявшихся, сбившихся с пути, нетвёрдых сердцем. В этом мой долг. В этом моё счастье».

* * *

– Справа, адата! – хрипло рявкнул гном Креггер, отскакивая в сторону с изрядным проворством, неожиданным для низкого и широкоплечего гнома.

Гелерра, впрочем, не нуждалась в остережениях. Гномы, конечно, чувствуют подземных тварей куда лучше её, но и она не вчера на крыло встала. Адата успела взмыть вверх за миг до того, как земля встала на дыбы, пробитая пятью окованными блестящей сталью рогами в два человеческих роста. Пробили – в надежде насадить хоть кого-нибудь на острия – и вновь спрятались.

– Вот погань! – Перемазанный копотью Креггер навёл огнеброс на оставшуюся воронку.

– Оставь. – Гарпия опустилась обратно на землю, тронула старого друга за плечо. – Он уже глубоко, не достанешь.

– Как это «не достанешь»?! Ещё как достану! – по-мальчишески возмутился гном.

– Оставь, – повторила Гелерра. – Бери своих и прикройте нам спину. Вас боятся, проучили наглецов...

Гном самодовольно накрутил на палец тщательно заплетённую перед боем из бороды косицу.

– А как же! Мы им...

Он бубнил ещё какую-то похвальбу, но адата уже не слушала.

Развернув крылья – белоснежные перья среди углей, золы и плавающего в воздухе едкого пепла, – она взлетела.

Сверху Гелерра видела всё узкое, словно вспоротая кишка неведомого чудища, ущелье. Оно вилось, пробиваясь сквозь старые, стёртые временем, ветрами и водой горы. Горы были древние, а вот ущелье – нет, и адата подозревала, что знает, след какого оружия оставил тут этот чудовищный шрам.

Спёкшаяся земля помнила давнюю боль.

Кружащая над вершинами адата управляла своим собственным боем.

Невдалеке лежал Бьёрсверден, откуда начинается дорога к Лунному Зверю; на юге осталась долина Бруневагар. Памятное место. Сколько раз Гелерра перечитывала описание приключений воина по имени Гудмунд, случившихся давным-давно, когда Учитель сам был ещё просто Истинным Магом.

...Гелерра заложила крутой вираж, проносясь над своими десятками. Подмастерья Хедина перекрыли узкое ущелье, по которому из раскрывшегося портала прямо на них катились волна за волной недоброй памяти быкоглавцы.

И не только они – в их рядах мелькали какие-то маленькие, гарпии по пояс, человечки в просторных коричневых плащах с низко надвинутыми капюшонами. Эти оказались колдунами, и притом весьма умелыми – воздух так и трещал над головами бойцов Гелерры от сталкивающихся заклятий и контрзаклятий.

Малыши в коричневых плащах, оказывается, владели чарами боли и мук. Они не швырялись огненными шарами, нет, их магия впивалась в самую плоть жертвы, так что расплавленные, превратившиеся в сплошной гной мышцы сами собой сползали с обнажающихся жёлтых костей. Сами собой вспыхивали и волосы на

голове, в считанные мгновения изгивали суставы и пальцы падали наземь, продолжая дёргаться, словно чудовищные черви.

Все подмастерья Хедина в той или иной степени владели магией. Были и те, кто вообще не прикасался к оружию, лишь прикрывая товарищей. Атаку они встретили, искажая и меняя пути магических потоков, разрушая вражьи чары и накладывая свои собственные – защитные.

Воздух рядом то и дело вспыхивал – Гелерра умело отбивала нацеленные в неё заклятия низкорослых колдунов, наступавших вместе с быкоглавцами.

Перевернувшись через голову, адата сложила крылья, устремляясь к земле. Она увидела всё, что хотела увидеть. Войско четырёхруких воителей полностью втянулось в узкое ущелье, преследуя медленно пятившихся соратников Гелерры. Кто-то ещё оставался возле портала, но поток извергавшихся из пламенеющей арки быкоглавцев иссяк. Сами врата перехода сияли по-прежнему, наверняка ожидая подкреплений.

Если бы быкоглавцами командовал хоть сколько-нибудь понимающий своё дело предводитель, он бы наверняка уже остановился. Но такового не сыскалось, а может, он успел сложить где-то в ущелье собственную рогатую башку.

Однако Гелерру занимали сейчас не предводители быкоглавцев, не те, кто вёл на верную смерть простодушно-глуповатых и грубых бойцов. Нет, те, кто открывает порталы, кто знает, как, куда и когда их открывать – вот их надо захватить живыми, и во что бы то ни стало.

«Репак, сейчас!»

Радужный змей отозвался тотчас, а ещё спустя мгновение ущелье содрогнулось, земля тяжело вздохнула, шевельнувшись. От глубокого сна пробудились духи камня и скал, дремлющие в горной глубине от сотворения мира. Пробудились, нехотя повинувшись приказу, задвигались, заворочались, недовольно бурча что-то на собственном языке – и разруб в теле старых гор исчез под сплошными лавинами.

Потоки глыб устремились по склонам, разламывались и валялись вниз острые каменные клинки вершин, и последнее, что видели в своей жизни несчастные

быкоглавцы, были лишь сонмища катящихся валунов.

На войне нет места жалости, адата Гелерра вышла из сильного и воинственного племени, привыкшего к смерти среди яростных грозовых туч – но вот именно этих врагов ей убивать совсем не хотелось. Тавлейные фигурки в чужой игре... Чем быстрее она покончит с этой войной, тем больше могучих, честных, верных, но глуповатых четвероруких силачей останутся со своими семьями и четверорукими же детишками.

Пожалуй, они даже переусердствовали, уничтожив большую часть вражеского воинства, с некоторым раскаянием подумала адата. Скорее, скорее, туда, к portalу, пока главари не ускользнули!

Репак с морматами – вот они, рядом. Все понимают, там их встретят отнюдь не одни лишь мечи со стрелами.

Скорее, скорее, крылья рассекают воздух, ветер свистит в ушах; Гелерра с летучим отрядом стремглав проносится над разом обмелевшим ущельем. Впереди, совсем близко – рукой подать! – портал, и...

Высокую арку заполнило сплошное пламя, словно там полыхал целый город. Сияющие хрустальные колонны, обрамлявшие врата, раскалывались и медленно рушились, радостным водопадом радужных осколков. Портал закрывался, но не угасал, как обычно, а торжественно сжигал сам себя, надёжно защищая его создателей от тех, что могли попытаться пройти по оставленному в Астрале следу.

Репак яростно зашипел, свиваясь в кольца, Гелерра чуть не взвыла от досады и обиды.

Ускользнули! Опять ускользнули!.. Проклятые, они умны, очень умны. И безжалостны. Бросили своих быкоглавцев умирать под камнями, и мёртвых, и живых, и раненых...

Отряд Гелерры тем временем уже торопился миновать жуткое ущелье, разом обратившееся в огромное кладбище. Надо искать выживших...

– Никогда раньше... – прочистил горло подоспевший Аррис, опуская бесполезный лук. – Никогда раньше такого не видывал.

– Э-э, что ты, эльф, вообще мог видывать, – сплюнул Арбаз, безуспешно пытаясь избавиться от набившейся ему в густую бороду каменной крошки.

– Арбаз! – подняла руку Гелерра.

– Молчу, молчу, – проворчал гном. Уселся на первый подвернувшийся валун и яростно принялся полировать свой знаменитый огнеброс.

Позади эльфы Омаина и гномы Креггера вместе с орками Даррага быстро и споро обходили завалы, то и дело останавливаясь; первые указывали направление, вторые заставляли огромные глыбы откатываться сами собой. Лица бородатых воителей покрывал обильный пот: когда духи камня засыпают вновь, дозваться их почти невозможно. Из-под обломков вытаскивали быкоглавцев, оглушённых, израненных, но живых – только живых. Мёртвые остались там, на дне рукотворной каменной реки.

– Ага! – донеслось из-за спин. – Наконец-то!

Пара дюжих гномов крепко держала под руки маленького человечка в покрытом пылью тёмно-коричневом плаще.

– Целёхонек! – крикнул отыскавший живого колдуна эльф. – Меж камней попал! Ни царапины!

Довольная Гелерра кивнула. Наконец-то. Туповатые быкоглавцы не могли рассказать ничего интересного, хотя совершенно не запирались, на допросах держались со спокойным достоинством и охотно отвечали на вопросы.

Другое дело, что они и впрямь ничего не знали. Ну, или почти ничего.

– Сюда его!

Гномы легко оторвали человечка от земли, так что ноги его лишь беспомощно болтались в воздухе.

Ульвейн сдёрнул с головы пленника низко надвинутый капюшон.

По плечам рассыпались соломенного цвета длинные волосы. В упор взглянули огромные васильковые глаза.

Схваченный оказался девушкой. Ростом, наверное, с известных во многих мирах половинчиков.

- Надо же, - покачал головой Аррис. - И как же ты, красотка, тут оказалась?

Пленница ничего не ответила - глядела на захвативших её твёрдо, не отводя взгляда и не опуская головы.

Вопроса тёмного эльфа она, конечно, не поняла - тот говорил на языке, принятом лишь среди учеников Хедина.

Никто из соратников Гелерры не держал колдунью на прицеле, однако та, похоже, и так поняла, что лучше не пытаться пустить в ход чары.

- Да, красивая, - кивнул Ульвейн. - И кто-то ведь выдернул её из дома. Знать бы ещё, из какого...

- Сейчас узнаем. Репах!

- Сссдесссь.

- Переводи.

- Сссспрашшифффай, Гхелерра.

- Как зовут, имя как? Откуда она? Как сюда попала?

Радужный змей кивнул - совершенно по-человечески и уставился холодными немигающими глазами в упор на пленницу. Та прикусила губу, попыталась податься назад - клыки змея блеснули возле самого её лица.

– Ага, опасается всё-таки, – пробурчал Арбаз. – Терпеть не могу этих безумных, что на тебя кидаются... А потом по ночам снятся.

Репак раскачивался из стороны в сторону, не отрывая взора от глаз пленницы. У той задрожали губы, она дёрнулась, словно стараясь отвернуться.

Репак медленно повернул уродливую голову, растянул пасть в подобии ухмылки.

– Аршши. Её ссаффут Аршши.

– Арши или Орши? – Гелерра помнила, что радужные змеи никогда не используют «о», заменяя её на «а».

– Ффтарае.

– «Второе». Орши, значит, – гарпия тоже взглянула в лицо юной колдунье, та сморщилась. – Откуда она?

Репак вновь кивнул и принялся рассказывать. Получалось поневоле медленно, радужного змея приходилось то и дело переспрашивать.

– Опять та же история, – заметил Ульвейн, когда змей наконец договорил. – Свирепый мир. Твари и чудовища на каждом шагу. Выживают только те, кто владеет магией...

– То же самое с быкоглавцами, – кивнул Аррис. – Просто у них сила вместо колдовства.

– И наниматель... – задумчиво проронила Гелерра. – По виду человек, по талантам – сильный чародей. Явился из раскрывшегося огненного портала и в нём же скрылся.

– Заплатил вперёд, и щедро! – встрял Арбаз. – Золотом!

С точки зрения гнома это явно выглядело несусветной глупостью.

- Правильно, - пожал плечами Ульвейн. - Дальним золото ни к чему.

- Им вообще ничего не нужно, - вставил молчаливый Дарраг, вожак орков.

- Просто же вас нанять, - процедила сквозь зубы Гелерра, склоняясь к самому лицу колдуньи Орши. - Немного золота, и вы идёте убивать не сделавших вам ничего плохого. Почему? Зачем?

Репак молча уставился в глаза Орши, беззвучно переводя вопросы гарпии.

- Жизнь трудна. Золото помогает, - у пленницы дрожали губы, кривилось лицо; всё-таки она была ещё совсем юна, а бесстрастный голос радужного змея, раздающийся у тебя в голове, хладнокровно вынесут считанные единицы. - Семье надо.

- Что нужно было здесь?

- Не знаю. Просто победить.

- Врёшь! - рявкнула Гелерра.

- Анна не ссснает, Гелерра. Чесссстна не ссснает.

- Значит, надо искать дальше, - вздохнула гарпия. Досадливо сжала кулаки - она обязана, обязана была добраться до портала! Конечно, эта несчастная Орши не знает вообще ничего и даже не задумывается. Золото заплачено, а больше её ничего не волнует. А вот те, кто оставался у раскрытых огненных врат, они далеко не так просты, к тому же сама Гелерра ошиблась. Когда они взлетели, их видно было издали, враг успел уничтожить заклятие перехода. Следовало подбираться с земли. И раньше, пока у неведомых командиров противника ещё сохранялась надежда на победу. Как только стало ясно, что армия погибла, как только они заметили белокрылую адату со спутниками, они немедля и без колебаний захлопнули дверь в Хьёрвард. Знали, что делают... Позади, в полузасыпанном ущелье, могут найтись ещё живые, но, скорее всего, как и Орши, они ничего не смогут ответить. Враг наносил удары, казалось бы, в совершенно случайных направлениях, без ясной цели и очевидного смысла. Теперь вот - Бьёрсверден... А завтра он вдруг бросит эти места и начнёт

ломиться в мир среди болот Юга. Может, он просто хочет стянуть сюда отряды Хедина, а истинный его план будет приведён в исполнение где-то совсем не здесь?

Гарпия сердито поморщилась. Как бы то ни было, что случилось – то случилось, осталось лишь доложить Учителю.

Враги на сей раз оказались и хитрее, и упорнее обычного. К тому же они добрались до Хьёрварда, до мира, которым Учитель так дорожил. До Хьёрварда с его удивительными чародействами, до Лунного Зверя, поразительного и невообразимого; до таинственного Альвланда, где жительствовавал по молодости сам Учитель; наконец, до Лесов Ялини на крайнем севере, где Хранители её Покрывала бессчётные века хранят сотворённые богиней первозданные чащи. Гелерре хотелось бы побывать там – когда стихнут, наконец, эти сражения.

Что? Ты подумала «наконец»? Уж не устала ли ты воевать, адата? Может, хочешь прилечь, отдохнуть? Зарыться лицом в свежую траву, запахнувшись в крылья, как в плащ?

Нет, нет, невозможно, немыслимо!

Она встряхнулась, отгоняя постыдные мыслишки.

– А с этой что делать станем? – Арбаз кивнул на бессильно обвисшую в руках стражей юную колдунью. – Домой ей уже не вернуться.

Гелерра кивнула. Портал исчез, уничтожен так, что не проследишь, куда тянулась тропа. О родном мире Орши в отряде гарпии никто никогда не слышал.

Никто никогда не слышал, повторила про себя гарпия. И это выходило очень, очень скверно. Враги постоянно опережали Гелерру и её товарищей на несколько шагов, ухитряясь находить готовых сражаться за них наёмников из мест, где не бывал никто из учеников Хедина.

– Да пусть идёт на все четыре стороны, – пожал плечами Ульвейн.

– Ага, и скольких она в распыл пустит? – прорычал Арбаз, кладя пудовую лапищу на тонкое, почти детское плечо. Орши сжалась, боязливо глядя на бородатого воителя. – Ты, эльф, говорить-то говори, но и подумать не мешает!

– Разбирает тебя, гляжу, Арбаз, – покачал головой не обидевшийся Ульвейн. – Здесь, гм, хватит тех, кто её саму в распыл отправит.

– Арбаз прав, Ульв, – Аррис в свою очередь положил другу на плечо руку. – Мордашка у неё смазливая, но ты вспомни, как её шайка заклятия накладывала.

– С нами пусть останется, – выпалил Арбаз. – Под приглядом, значит. Гаррат не обрадуется, коли мы её тут бросим. Таких дел натворит, что нам же потом и расхлёбывать. А уж сколько народу положит!..

Гелерра давала соратникам выговориться. Она никуда не спешила. Оставлять тут маленькую колдунью со всем её очень даже злым и действенным арсеналом и впрямь никуда не годилось.

– А следить за ней постоянно ты станешь, Арбаз? И уверен, что уследишь? – холодно поинтересовался Ульвейн, скрещивая руки на груди. – С её-то способностями? Аэтерос не обрадуется также и тому, что мы дали наложить на себя чары, словно дети.

– Мы проследим, – ухмыльнулся в бороду Арбаз. – Она у нас и комара не обидит.

Конечно, тащить с собой колдунью из вражеской армии, пусть даже и разбитой, гарпии вовсе не хотелось. Однако гном прав – скольких она успеет убить или замучить, прежде чем встретит кого-то более сильного?

– Растолкуй ей, Репак. Скажи, что она расстанется с жизнью в тот же миг, когда попытается прибегнуть к магии.

Радужный змей уставился в глаза вздрогнувшей колдунье, для верности ещё и прошипев ей что-то прямо в лицо. Та опустила глаза и торопливо закивала.

– Ага, по крайней мере, сможет «да» и «нет» отвечать, – удовлетворённо заявил Арбаз.

Оба тёмных эльфа взирали на гнома безо всякого удовольствия. Происходящее им явно не нравилось.

– Абещщает, – прошипел змей, выслушав безмолвный ответ Орши.

– Правильно, куда ж ей ещё-то деваться? – пожал плечами Арбаз. – Ничего, мелкая, мы дурь-то у тебя из головы вышибем...

– Это как же? – ледяным тоном осведомился Ульвейн.

– Посредством гномояда! – рявкнул гном. – От него всё зло из мыслей улетучивается, вся грязнота смывается!

– Смывается. Ну-ну. Как хочешь, Арбаз, ты нас с Аррисом из Мельина вытаскивал, и за то мы тебе вечно признательны, но сейчас ты что-то не то затеял. Как есть не то.

– Довольно! – подняла руку Гелерра. – Арбаз не мальчишка. Он за неё отвечает. А нам пора. Учитель должен узнать о случившемся.

* * *

– Гелерра?

Высокий и тонкий эльф застыл изваянием на самой границе света и тьмы, и сам словно ни свет и ни тьма.

– Аррис?

– Не спишь? – Тёмный эльф слитным, неразличимым движением опустился на пятки подле гарпии.

– Спала. Теперь нет, – отозвалась та. – Что случилось? Зачем будил? Нет же никакой тревоги...

– Тревоги нет, потому и будил, – ответил Аррис. Тонкие и на вид даже хрупкие пальцы – если не знать, на что они способны в бою – беспокойно сжимались и разжимались на рукояти кинжала. От эльфа едва ощутимо пахло лесом, несмотря на все усилия сородичей Арриса отрицать всякое родство с эльфами светлыми.

– Что не так, друг? – встревожилась Гелерра, приподнимаясь с походного одеяла и стыдливо запахиваясь в крылья.

– Сегодня опять была хвала. Слишком много хвалы.

Гелерра смешалась. Честно признаться, на миг адате показалось, что тёмный эльф явился к ней совсем не для того, чтобы говорить о «хвале» – надо понимать, о «хвале Аэтеросу».

– Мы словно дети малые, – продолжал тем временем Аррис. – Разве этого достоин Аэтерос?

– Ну... – Гелерра пыталась собраться с мыслями. – Многие, да, благодарят Учителя. Хотя и не все, и не это главное...

– Но это есть, – настаивал эльф.

– Есть. И... пусть будет, – по-прежнему ничего не понимала гарпия, – у нас никого ни к чему не принуждают. Кому-то от этой «хвалы» легче станет – и прекрасно! Что тебя так тревожит?

– Не прославление нужно, – одними губами, едва слышно сказал Аррис. – Не хвала, Гели!

– Мы и не прославляем особо, – та пожала плечами. – Ниц никто не падает, на колени не бухается, лбом в землю не бьётся. А если кто хочет благодарность высказать...

– Вот! Вот оно! – вскинулся собеседник гарпии. – Благодарность!

– А что ж, её совсем быть не должно, что ли? – окончательно растерялась Гелерра. – Запретить, что ли, надо? Аррис, здоров ли ты? Может, тебе вчера в бою по головушке камнем угодили?

– Не смейся, Гели.

– Да не смеюсь я! Тревожусь, что с тобой не так что-то!

– Со мной... – грустно усмехнулся тёмный эльф. – Со мной всё так. Рука не ослабла, глаз целиться умеет по-прежнему. Ничего не изменилось – внешне.

– А внутренне?

– А внутренне – да, Гели. – Аррис вновь взял её за руку. – Вот ты там, у костра, что делала?

– Как это «что делала»?

– Пела хвалу Аэтеросу? Ведь нет же?

– Не пела... Он ведь этого не любит, забыл? Я просто... просто... думала о нём, устремлялась мыслью к нему, представляла себе его долг, его ношу... Благодарила тоже, но ведь есть за что, Аррис, разве не так? Разве не стали мы все теми, кто мы есть, по благой лишь воле Аэтероса?

– Мы стали теми, кто мы есть, по своей лишь собственной воле, Гели, – в голосе тёмного эльфа зазвучала сталь.

– В-верно... но ведь без него, без Учителя... разве открылась бы нам Межреальность? Разве постигли бы мы все те тайны, что теперь открыты нам? Разве поняли бы мы, за что надлежит сражаться и что хранить?

– Того никто и не отрицает, – кивнул Аррис. – И верно, мы устремляемся мыслями к Аэтеросу, стараемся прикоснуться к... к тому неведомому, что рядом с ним и за ним...

– Непонятно ты говоришь что-то, – покачала головой гарпия. – Учитель наш мудр и добр. Он не терпит зряшных похвал, ему чужды лесть и подхалимство. Сколько он бился, чтобы перед ним не преклоняли колени, не приплетали к имени его всяческие дурацкие титулы, кроме лишь одного – «Познавший Тьму»? Но что дурного, если кто-то и скажет «хвала Хедину»? Я так говорю, да и у тебя тоже случается... Так потому ты ко мне и пришёл? Что неправильно будет Учителю хвалы возглашать? Так ведь оно...

– Я понял, – перебил Аррис, облизнув пересохшие губы. Грудь эльфа часто вздымалась, тонкие пальцы сжались в кулаки. – Не сердись. – Он примирительно коснулся её плеча. – Учителю наши хвалы не нужны, это верно. А то... до многого дойти можно. Вот знавал я один дикий народ – жили те на острове с огнедышащей горой, шло от той горы тепло, поля зеленели, сады цвели. Так те островитяне только и делали, что горе хвалы возглашали – что она им что-то «даёт». Мы вот тоже – за «подарки» благодарствия возносим. Разве в этом дело, Гели?

– Да не возносим мы ничего! – не выдержала адата. – Самую лишь малость, просто от признательности! Разве ж похожи мы на тех же варваров, огненной горе молившихся?

– И непохожи, и похожи, Гели. Главное ведь – чтобы не стали мы, тому дикому племени уподобившись, и впрямь одни лишь хвалы петь или там гимны слагать. Совсем другое требуется от нас, совсем другое!

– Ой, боюсь, не пойму я тебя...

– А ты поразмысли, – сказал эльф. – Я знаю, ты скажешь, мол, мы, эльфы, не можем без пафоса. Но всё-таки послушай. Мы ведь чему служим? – Великому и благому делу, сохраняем всю великую совокупность миров, всё Упорядоченное. Не Хедину-Милостивцу, не Ракоту-Заступнику. И его, нашего Учителя, мы должны понимать. Он ведь не просто такой вот мудрый наставник, опытный маг, который и заклятью новому научит, и подскажет, как лучше его использовать, верно? Он живёт Упорядоченным, чувствует его, словно самого себя. Он часть его, как и мы все, однако и оно словно часть его, и мы тоже, мы ведь тоже часть Упорядоченного. А мы...

– А что мы?

– Словно простые вояки, наёмники, – чуть помешкав, выдохнул Аррис, решившись. – Прошёл бой удачно, в живых все остались – хвала Учителю! Не чувствуем мы его, не знаем, не понимаем, познать не можем! стыдно, Гели. Высоко поднялись, на порог к самым страшным тайнам, возле двери стоим – и ни шагу дальше...

– Какие тайны? – изумилась Гелерра. – Какая дверь?

– Откуда сила Аэтероса? – нагнувшись к самому её уху, прошептал Аррис. – Каков тот великий принцип, первоначало, что самое себя явило нам в Хедине, Познавшем Тьму, друге нашем и учителе, но никак не Боге?

– Как «не Боге»?! – перепугалась Гелерра. – Хедин, Учитель, Аэтерос, он... Бог!

Аррис досадливо поджал губы.

– Ты не совсем понимаешь, Гели. Хедин, наш Учитель, он, конечно, Бог. Но он – ещё не весь Бог.

У гарпии голова шла кругом.

– Как так – «не весь»?

– Кто создал Упорядоченное? – ответил вопросом Аррис. – Кто дал первотолчок всем рекам Магии, благодаря коим творятся все наши заклятия? Кто породил жизнь, кто сотворил все бесчисленное множество живых существ?

– Т-творец... Вечный и великий... так говорил Учитель, когда его спрашивали...

– Вот именно, – горячо подхватил Аррис. – Вечный и великий, непознаваемый Творец. Мы не знаем о нём ничего. Вернее сказать, не знали.

– Я не понимаю тебя, – беспомощно развела руками адата.

– Если бы я всё понимал сам, – едко ответил эльф, – то говорил бы с тобой совсем иначе. Вещал бы, а не говорил, Гели. Но сдаётся мне, что Хедину, Познавшему Тьму, Учителю и Аэтеросу, нужны не только лишь послушание наше, или даже

любовь к нему, искренняя и настоящая.

- Как же... не любовь если... А... что ж тогда?

- Он один на один со страшным, ужасным и нами непредставимым, Гели, наш Учитель. Он один смотрит в бездны, о которых мы даже не догадываемся. Говорим привычное «хаос», «Творец», а что за ними – нас не касается, Аэтерос думает за нас, мы лишь сражаться должны. А его стража, его ноша – куда тяжелее. Так что нужно ему...

- Что же? – Адате стало совсем не по себе.

- Его самого нам познать требуется. Его самого.

Его и то начало, что за ним.

- Ох!

- Не «ох», Гели. Верность моя делу нашему от этого не пострадает. По одному слову в бой идти – это и дикари могут. Как те, с которым мы тут воюем. А ты познай его, пойми его, что за ним, какая тяжесть на нём... вот тогда и говори. Обещай, что подумаешь, хорошо? – Эльф внезапно поднялся. И закончил, уже уходя, совсем уж непонятно: – Мы же не просто армия. Не просто воинство...

* * *

Ночные слова Арриса, тёмного эльфа, разбередили-таки её, признавалась себе Гелерра. Познать Аэтероса, познать великого Бога, познать Учителя! Не просто в бой идти по его слову, но – познать. Разве не такого признания, истинного признания, заслуживает он за все его благодеяния?

Да, но как? Как познавать непознаваемого Бога? Она, Гелерра, неплохо владеет кое-какой боевой магией, но и только. Нет, не «и только», не стоит совсем уж скромничать. Но познавать Бога? Тут даже с какой стороны подступаться, неведомо!

От всего этого голова шла кругом. Хорошо ещё, что наступило утро, приходило время простых и понятных воинских дел, знакомых, во всём привычных.

После уничтожения всей армии быкоглавцев и их низкорослых колдунов-помощников, после того, как сгорел портал, приведший их в Хьёрвард, внушительному отряду Гелерры, казалось, тут нечего стало делать. Однако Аэтерос, выслушав рассказ адаты и взглянув на трясущуюся Орши, не смеяшую даже поднять глаз на розоватый кристалл, только покачал головой.

– Оставайтесь тут. Они ударят вновь. На этот раз постарайтесь не дать им уничтожить портал. Или в крайнем случае перехватите заклятия его закрытия, они тоже могут навести на след. Так к чему они старались прорваться?

– Не ведаю, Учитель, – развела руками Гелерра, готовая сгореть от стыда. – Мы взяли пленных, но это просто бойцы, ничего не знающие об истинной цели их похода.

– А эта? – Взгляд Познавшего Тьму упёрся в маленькую колдунью, и Орши сразу же плюхнулась на колени, слабо подвывая.

– То же самое. Наёмница. Служит за золото. «Надо просто победить», вот и всё, что я из неё выжала. Репах, радужный змей, тоже толком ничего не смог увидеть.

– Тогда оставайтесь и ждите их следующего прорыва.

– Учитель, но что, если они не вернуться? – дерзнула адата.

– Вернутся, – хмуро бросил Хедин. – Туда, где погибла их целая армия, они вернуться непременно, хотя бы для того, чтоб выяснить, что с ней случилось. Сообщай о себе ежедневно, Гелерра.

– Слушаю и повинуюсь, Учитель...

– К вам скоро наведается мой брат, – вдруг сумрачно сказал Познавший Тьму. – Вы нужны ему... для некоего дела. Быть может, он тоже сможет помочь вам закончить здесь.

– Мы всё сделаем, аэтерос, – со всей почтительностью отозвалась гарпия. – Управляющие ушли, но в следующий раз, буде таковой случится, мы их не упустим. Ни за что.

– Не зарекайся, славная адата, – покачал головой Хедин. – Дело сейчас складывается так, что у нас нет лишних недель или даже дней. Ждать бесконечно мы не можем, бить следует наверняка. Ракот поможет.

– Слушаю и повинуюсь, Учитель, – поклонилась Гелерра.

Хедин только вздохнул, и розоватый кристалл угас.

– Прохиндеев этих второй раз упускать не имеем права. – Адата обвела взглядом соратников. – Брать их за хвост, за гриву или что там у них найдётся!

Аррис, Ульвейн и Арбаз дружно кивнули. Ладонь гнома лежала на плече бурно рыдавшей колдуньи Орши – взгляд Учителя дано выдержать далеко не каждому.

– Воля аэтероса ясна и чётка, – поддержал Ульвейн. – Останемся здесь и подождём. Пока что порталы открывались не абы где. Самое большее – лигах в десяти от первичного. Будем надеяться, и в этот раз так выйдет. А там и великий Ракот подоспеет.

«Именно», – согласился и Репак, прибегая для быстроты к мыслеречи.

– Если атакуют вновь – надо, чтобы они до последнего момента думали б, что побеждают или, по крайней мере, не проигрывают бесповоротно, – продолжила Гелерра. – Значит, будем отходить...

– Только чтобы эльфы не переусердствовали б, панику изображая, – с ухмылкой проворчал Арбаз. – А то раскусят нас – и поминай как звали. Сбегут и снова портал захлопнут.

– Эльфы б не переусердствовали! – упёр руки в бока Ульвейн. – Смотри, Арбаз, как бы твои гномы не...

– Бросьте, друзья, – вмешался Аррис. – Адата правильно говорит. Врага надо выманить. И не контратаковать до самого последнего момента, пока не подберёмся к их набольшим вплотную. Думаю, как раз гномы со своими огнебросами справятся здесь лучше всех.

Гном аж покраснел от удовольствия.

– Когда за дело берётся мой добрый друг Арбаз, не остаётся никого, кому вопросы задавать, – ухмыльнулся Ульвейн, – Разве что обугленным костям, да те едва ли особенного много чего рассказать сумеют.

– Не волнуйся. – Адата поморщилась, припомнив что-то. – Там такие маги, что как бы от самого Арбаза угольки не остались. Репак и морматы, – мы взлетаем и прикидываемся, что берём их в клещи, но ни в коем случае не приближаемся. А то опять спугнём.

– Ага, и пока они на вас пялятся будут, мы-то по земле и подберёмся! – пристукнул пудовым кулачищем Арбаз.

– Праффильна, – прошипел-просвистел Репак. – Ссстанем крушшиться так, шта те никуда бальшше и не гхлянут.

На том и порешили.

* * *

Укреплённый лагерь остался на прежнем месте. Во все стороны Гелерра выслала дозоры, морматы дисциплинированно разлетелись кто куда. Новый портал может открыться в любой миг, надо быть готовыми.

– Орши!.. Вели ей, чтобы перестала реветь, Репак.

Радужный змей приблизил уродливую голову к самому лицу маленькой колдуньи. Та тихонько взвизгнула и судорожно попыталась подавить рыдания, размазывая слёзы по щекам грязными рукавами.

– Фу, – поморщилась донельзя чистоплотная гарпия. – Заставь её хотя бы постирать своё барахло, Арбаз, раз уж за ней смотришь.

– Смены никакой нет, – развёл руками гном. – Были б половинчики в отряде, а так...

– Ага, и вопрос сей никак не разрешим, – буркнула адата. – Орши! Расскажи ещё о том, как тебя вербовали...

Репак перевёл.

Круглолицая пленница последний раз громко всхлипнула и, ещё постукивая зубами от непрошедшего страха, принялась говорить.

Гелерра слушала безыскусный рассказ, пытаясь понять, откуда же к простодушным обитателям того мира пожаловал искуситель-вербовщик. Репак старался как мог, однако на странных словах спотыкался и он, когда приходилось подбирать близкие понятия.

...Сородичи Орши жили кланами, окружённые жестоким, жутким миром, где у слабого не оставалось шансов. У каждого в клане – своё место, свой манёвр. Власть у того, кто лучше колдует, неважно, мужчина это или женщина. Тёплые заболоченные джунгли постоянно извергали в сторону людских поселений целые волны плотоядных чудовищ – в этом, собственно, не было ничего удивительного; Оршины соплеменники не могли похвастаться силой, приходилось брать хитростью. Сиречь колдовством.

...Вербовщик появился из ниоткуда. Просто вышел неким утром к дозорным, окружавшим возведённую на сваях деревню клана Орши. Одним мановением руки и блеском зелёного пламени уничтожил огромного монстра, по глупости вознамерившегося им позавтракать – чем произвёл, как и следовало ожидать, неизгладимое впечатление на весь клан.

– Интересно, – заметил Аррис. – Жизнь тяжёлая, у каждого колдуна – или колдуньи – своё место, заменить не так просто, а они за здорово живёшь записываются на неведомую войну! И зачем им золото в их болотах? Что там на него купишь? Наверняка что сами вырастили, то и едят, а не торгуют!

Глаза Орши забегали, стоило Репаху спросить об этом в упор.

Оказалось, что вербовщик силён, очень силён. Он обещал защиту – амулеты-обереги, что не подпустили бы чудовищ к селениям. Старейшины не поверили; однако им были явлены доказательства. Воздвигнутые сторожевые столбы-тотемы, увешанные вываренными черепами болотных тварей, в чьих пустых глазницах вечно тлело гнилостно-зелёное пламя, и впрямь надёжно удерживали чудовищ на почтительном расстоянии от деревень. («Некромант, не иначе!» – тотчас вставил Арбаз).

Открылись дороги, от городка к городку пролегли первые караванные тропы. Появилась и торговлишка. Освободилось множество колдунов – и тогда им предложили наняться в войско.

– Как оно называлось? За кого нужно было воевать? – Гелерра наклонилась, вперившись горящим взглядом прямо в глаза маленькой колдуньи. – Отвечай! Даже самые прожжённые наёмники знают, за кого и против кого сражаются!

Орши попятилась, глаза у неё снова намокли.

– Да погоди, погоди, адата, – прогудел Арбаз, покровительственно кладя широченную ладонь Орши на плечо. – Прожжённые наёмники, может, и спрашивают. А эти-то с чего? Они вообще не знают, что это такое!

– Против кого надо было воевать? – Гелерра метнула на гнома сердитый взгляд и вновь воззрилась на пленную колдунью. – У вас так принято? Неважно за кого, неважно, против кого, лишь бы звонкую монету платили?

– Ты её совсем запугала, адата...

– Арбаз! – вскинулась гарпия.

– Хорошо, хорошо, молчу, молчу... – недовольно буркнул гном.

– Такую запугаешь, – зло бросила Гелерра. – Она врёт, Арбаз. Ей должны были объяснить, против кого и за что она сражается. В чём цель. Где та вражья столица, которую отдадут победоносным воинам на три дня?

Орши хныкала, мотала головой, опять размазывала слёзы и сопли, однако так ничего и не ответила, кроме «Сказали – убивать врагов. Нам давать золото».

– Но когда ты должна была вернуться домой? – настаивала гарпия. – Сколько длиться службе?

– Как победим, – давясь плачем, только и могла ответить пленница.

– Или беспросветно глупа, или донельзя хитра, – отметил молчавший всё время Ульвейн, когда Арбаз увёл, наконец, Орши. – И то и другое весьма некстати.

– Предпочту думать как о хитрой, – мрачно сказала гарпия.

* * *

Вечером, когда были проверены посты и когда все разошлись по собственным шатрам – в кои-то веки смогли поставить хороший, годный лагерь! – Аррис вновь пришёл к Гелерре.

– Ты подумала? – начал он без предисловий.

– Д-да, – помедлив, призналась гарпия.

– И что? – Он потянулся, задул светильню.

– Н-не знаю, – Гелерре отчего-то сделалось страшновато и неудобно. – Как всё это может быть?

– Я думал, – признался Аррис, – думал, как мог, потому что никаких книг на эту тему нет и взять их неоткуда, разве что сами напишем.

– Как можно «познавать» аэтероса? – недоумевала адата. – Я думала, думала... и ничего!

– Эльфы познают мир, не только ощупывая руками или осматривая глазами, прости за столь банальное сравнение. – Аррис сел, как-то совсем не по-

эльфийски ссутулившись и спрятав ладони меж сдвинутых колен. – Да и не только эльфы... гномы тоже. Не всё ж пиво пить...

– Выход из тела, – догадалась гарпия.

– Выход из тела, – кивнул тёмный эльф. – Выход из тела и странствие... в Астрал и дальше. К тому, что есть источник, первопричина аэтероса.

– Мудрёно говоришь, – призналась Гелерра. – Но я-то тебе зачем?

– Вы ведь тоже умеете выходить из тела, – Аррис взял адату за тонкое запястье. Та слегка покраснела в темноте, но руку не отняла. – Когда летите меж грозowymi тучами, когда мчитесь среди молний... разве не так?

Гелерра кивнула.

– Вот и давай попытаемся.

– Что, прямо так? – Адате было страшно, очень страшно. Словно Аррис звал её в какие-то неведомые бездны, бездны совсем иные, чем даже Межреальность и Хаос, бездны, недоступные обычной магии.

– Нам надо искать, Гели, – мягко сказал Аррис, глядя ей прямо в глаза. – Нам и никому иному. Но это не просто сплести какое-то там заклятие.

– Почему?

Эльф терпеливо улыбнулся.

– Творец открыл нам то, что хотел открыть. Ему не построено храмов, у Него нет служителей. Мы знаем о Нём лишь из книг, книг, данных Учителем. Это значит, что Он не хотел всего этого, поклонения, жрецов, всего подобного. Однако Он даровал нам пытливый ум, Он создал нас взыскующими истины, Он хотел, чтобы мы сами искали ответы. Что ж, давай искать. Прямо сейчас. Ты готова?

– Н-нет. Наверное. – Гелерра обхватила руками голову. – Надо... очиститься как-то. Во всех смыслах.

– Верно, – подхватил Аррис. – Чистота – наш дар Ему. Ему, Неведомому, проявившему себя в Учителе. Мы познаем именно Аэтероса, явленного нам. Не что-то ещё. Совершим же омовение, очистим дух от суетного. Дела войны – делами войны, ночь же принадлежит нам.

– На войне ничего не принадлежит нам. – Гелерра уцепилась за соломинку. – Мы все принадлежим войне. И победе.

– Неужто я так плохо сказал? – удивился Аррис. – Наш долг Аэтеросу никто с нас не снимет, конечно же. Но начальствующий над воинством лишь тогда чего-то стоит, когда подначальные ему не глядят ему всё время в рот. Гелерра, ты сделала всё, что нужно. Все ученики Аэтероса опытные и бывалые. Дозорные не уснут, врага не пропустят. Перестань отыскивать отговорки. Идём.

...Очисти тело, крылья и мысли. Зажги свечи, пусть малые огоньки послужат маяком твоей душе, когда ей надо будет возвращаться обратно.

Аррис и Гелерра сидели друг напротив друга, взявшись за руки, словно дети.

– Конечно, лучше всего, наверное, был бы пост, – задумчиво говорил тёмный эльф, когда они уже устроились, взялись за руки, но ещё не закрыли глаза, начиная духовную работу. – Тело, очищенное от смутных алканий плоти... Хотя, наверное, это больше для гномов. Очень уж поесть любят. И выпить, кстати.

Они дышали ровно, размеренно, в унисон.

– Устремь мысли свои к Аэтеросу, – вполголоса говорил Аррис, не открывая глаз. – Устремь мысли к делам его, к словам его, к облику его. Узри его тень, проникни в неё, стань ею. Замри за спиной Учителя, повторяй жесты его и слова, не отрывай взгляда от него. Пусть порывы силы, повинующиеся ему, подхватят тебя, ибо ты невесом. Иди против ветра, ибо он предназначен не допускать до силы недостойного. Иди и смотри, будь готов к опасности, ибо бездна сил алчна и голод её не утолим...

Гелерра старательно повторяла. «Выход из тела» был ей и впрямь хорошо знаком, гарпии на самом деле пользовались этим при полётах в бурном грозовом небе, среди яростно блещущих молний. Если стае требовалось пробиться сквозь

сплошную завесу изрыгающих блестящие стрелы облаков, кто-то один совершал обряд, незримо устремляясь вперёд и подсказывая сородичам дорогу. Бесчувственное тело такого проводника несли на руках товарищи по перелёту.

Учитель... Аэтерос... Познавший Тьму... Ты рядом – и ты настолько далёк. Мы говорим с тобой почти каждый день, мы видим тебя, ты на расстоянии вытянутой руки – и ты недоступен, непонятен, страшен. Страшно стоящее у тебя за спиной, ужасна повинующаяся тебе мощь, и, на самом деле, что привело тебя в мир, какие силы наделили властью?

Ты рядом, встать подле тебя так просто... слиться с твоей тенью – ещё проще...

Она и в самом деле видела Хедина. Усталый и одинокий, Познавший Тьму застыл на краю исполинского утёса, озарённый единственным лучом, проникавшим сквозь затянувшие всё небо грозовые тучи. Блистали зарницы, надвигалась буря; но разве это может испугать адату, свободную дочь свободного полёта?

Утёс, огромный, давящий, вознёсся прямо посреди равнины; такого не бывает в обычных мирах. Горы жмутся к горам, камень – к камню, словно боясь вековечного своего одиночества. Разумеется, думала гарпия, утёс – не более чем символ, обозначение чего-то иного, быть может – величия Аэтероса и его же одиночества? Одиночества, несмотря на... волшебницу Сигрлинн?

А что это у него за спиной? Что за странное призрачное дерево вздымается там, дразня глаз размытыми, ускользающими очертаниями? Оно не вещественно, оно словно марево над раскалённой пустыней, смутно угадываются переплетения огромных корней, словно навек уснувшие змеи, вздымается к поднебесью, пронзая облака, неохватный ствол, кажущийся отсюда просто стеной.

Великое дерево. Адата хочет взглянуться – но налетает ветер, очертания дрожат и тают, остаётся лишь одинокий Аэтерос на вершине.

Порыв урагана вцепился в полы тёмного, выдавшего виды плаща, они затрепетали, разворачиваясь, подобно крыльям. Аэтерос только повёл плечами, по-прежнему всматриваясь с высоты обрыва вниз, где Гелерра смогла разглядеть лишь смутное мельтешение множества фигурок. Багряные вспышки озаряли низкий горизонт, где-то полыхали пожары, где-то стеной обрушивались наземь ливни, где-то всходили светила или звёзды.

Учитель смотрит в мир, подумала адата. Смотрит и скорбит. Он желает добра, он хочет защитит от боли и бедствий, но руки его связаны. За спиной его бушует буря, и это не простая гроза.

Где же Аррис? Гелерра оглянулась, но тёмного эльфа нигде видно не было. Невольно взгляд адаты скользнул вдоль единственного золотого луча, освещавшего замершего Учителя. Туда, подумала она. Против ветра, на грозу.

Она взмахнула крыльями, отрываясь от каменистой мёртвой земли. Аэтерос так и остался стоять – он ведь меня не видел, мельком подумала гарпия. В грудь сразу же толкнулся ветер – у земли, как ни странно, царила полная тишь, но стоит подняться, и неведомые силы дают тебе понять – поворачивай назад, эта дорога не про таких, как ты. Она попыталась оглянуться – одинокий утёс над бездной, тёмные тучи вокруг, скрытый мглою мир далеко внизу и фигура Учителя, словно вросшего в землю.

Яркий луч теперь светил ей почти в лицо, всё свирепее и яростнее завывал ветер, норовя прижать адату к земле; она лишь сильнее взмахнула крыльями. Учитель остался внизу, быстро уменьшаясь, а Гелерра, напротив, упрямо забиралась всё выше и выше. Взглянула вниз – ничего, одна серая хмарь да тонущий в ней золотой луч. А впереди – лишь серо-чёрные тучи да проблески разящих молний.

Ветер всё усиливался, норовя сломать адате крылья, швырнуть обратно, на землю, однако Гелерра привыкла бороться и не с такими штормами.

Ещё, ещё немного – и она нырнёт в то загадочное окно, откуда устремлялся к Учителю озарявший его мягкий и тёплый свет. Там крылась тайна, там, там, там...

Гелерра тянулась изо всех сил, однако ветер крепчал и набирал силу с каждым мгновением, совсем рядом хлестнула блистающая плеть молнии. Адата перевернулась в воздухе, скользя на широко расправленных крыльях, и...

– Гелерра! – На лоб лилась ледяная вода. Это казалось невыразимо, божественно прекрасным, хотя вроде как жары она не испытала.

Над гарпией склонялось встревоженное лицо Арриса. Из носа тёмного эльфа стекали две тонких струйки крови.

- Ты падала?

- П-падала? Нет... ветер... не подняться...

- Что ты видела? - голос Арриса дрожал от нетерпения. - Что тебе открылось?

- Утёс. Огромный утёс, и Аэтерос на нём. Одинокий, совсем одинокий. Мир... мир внизу, но его было не разглядеть. И потом луч, золотой луч из-за облаков. Он озарял Учителя и я... В общем, я полетела по этому лучу, но не добралась даже до нижней их кромки. Молнии. Ветер. Буря. А потом - ты меня позвал.

Тёмный эльф покивал.

- Я не видел ни утёса, ни облаков. Аэтерос стоял на дороге, и его точно так же освещал золотистый свет.

- Ты его тоже видел? - изумилась Гелерра.

- Видел, Гели. Тот луч мы с тобой видела оба. И это значит, что мы и впрямь продвигаемся.

- Куда? - немедленно спросила адата.

- К познанию Учителя, разумеется. Эти образы и видения, конечно же, не случайны. - В руках Арриса появилась внушительного вида книга в переплёте из настоящих досок, запёртая на амбарный замок. - Запиши сюда всё, что ты сделала или увидела. Нет-нет, только не смотри на мои страницы! Ценно лишь своё собственное.

Гелерра послушалась. На желтоватой тонковыделанной коже одна за другой возникали лёгкие летящие строчки, написанные алфавитом и языком учеников Хедина.

– После этого не забудь записать это же своим собственным языком, – сказал Аррис, что, не отрываясь, глядел ей через плечо.

– Зачем?

– Никто не знает нашего наречия, кроме лишь нас. Кто знает, быть может, эта книга станет началом... – Он оборвал себя. – Я тоже записал. Тёмные эльфы разбросаны по разным мирам, но в основе продолжают сохранять старый праязык Перворождённых.

– А вы и в самом деле Перворождённые? – поинтересовалась Гелерра.

– Никто не знает, – одними губами улыбнулся Аррис. – Кто-то из моих соплеменников верит, что это именно так, другие не согласны. Зато с этим не согласны все как один гномы. Завтра мы с тобой попробуем снова, хорошо?

– Мы на войне, не забыл?

– Не забыл. Но даже если новый портал откроется завтра – поиск наш оставлять нельзя.

* * *

Так и случилось. Следующий портал появился ровно в том же самом месте, что и исчезнувший. Огромная сияющая серебром арка сама собой соткалась в самый глухой полночный час, и из заполнявшего портал холодного пламени двинулись быкоглавцы – шеренга за шеренгой, по сторонам их колонны семенили сородичи Орши.

Неведомый кукловод сделал очередной ход, послав на убой ещё одну армию собственных марионеток.

Учеников Хедина не требовалось подгонять, и их же было очень трудно застать врасплох. Лагерь поднялся, словно единое целое, без малейшего беспорядка или неразберихи; один за другим взмывали вверх морматы, сомкнув ряды, маршировали гномы; рассыпным строем, приготовив луки, крались сквозь ночь тёмные эльфы; и они, всяк зная свой манёвр, покидали лагерь со спокойной

уверенностью, что вернутся назад. Они верили и в своё оружие, и в своё умение.

Гелерра расправила крылья, готовясь взлететь. Насколько же лучше, когда враг – вот он, на ладони, шагает, блестя доспехами!

– Повелителя Ракота пока ещё нет, – заметила гарпия соратникам. – Боюсь, не успеет к самому интересному.

– Нет, значит, нет, – прокряхтел Креггер. – Делаем всё, как и задумали. Когда повелитель появится, станем исполнять его команды.

– Да, а пока мы, значит, к порталу пойдём. – Арбаз подбросил и поймал розоватый кристалл, что использовался учениками Аэтероса для мгновенной связи. – Поглядим, значит, что там за субчики-голубчики засели. А вы будьте готовы просигналить, как главные злыдни появятся, а после – нас выдернуть, коль солоно там придётся!

– Будем готовы, – насмешливо поклонился Ульвейн. – Долг платежом красен, дражайший мой Арбаз. Надеюсь рассчитаться с тобой за ту мельинскую историю.

– Только смотри, не выдергивай нас слишком рано, – ухмыльнулся гном, вскидывая на плечо свой знаменитый огнеброс. – Оченно мне хочется того вербовщика повидать. Ну, или хотя бы того, кто открывает порталы.

– Да откуда здесь сам вербовщик-то возьмётся? – покачала головой Гелерра. – Те, кто гонит этих бедолаг на убой, куда умнее, чем мне бы хотелось. Вперёд не лезут, за чужими спинами хоронятся...

– Мы уж всё равно постараемся. Вы, главное, отвлеките этих хитрецов...

– В этом можешь не сомневаться.

...Атака началась, едва армия быкоглавцев полностью выбралась из портала. Четырёхрукие воины сноровисто и быстро разбились на два отряда: одни тащили огромные щиты и секиры, другие подняли внушительного вида самострелы. Меж могучими воителями сновали сородичи Орши, совершенно

одинаковые в грубых коричневых плащах.

– Сегодня ими получше командуют, чем в прошлый раз, – хладнокровно заметил Ульвейн. – Дуром уже не лезут.

– Им это не поможет, – коротко бросила Гелерра.

Да, не поможет... Ульвейн в который раз вышел вперёд из строя, высоко вскидывая тонкое копьё остриём в небо – принятый во многих мирах знак того, что он желает говорить – однако быкоглавцы не остановились. Пёрли молча, ожесточённо пытая и топя. Шли навстречу верной смерти; к семьям и детям они уже не вернуться.

Быкоглавцы и их союзники построились широким клином. Отряд Гелерры, рассыпавшись полукольцом, медленно отходил ко входу в большей частью заваленное ущелье, повторяя недавний манёвр. Единого строя не было – ученики Хедина сражались группами, где каждый знал что делать и прикрывал товарища – если не щитом, то заклинанием. Трое-четверо гномов со щитами и огнебросами, трое-четверо эльфов-лучников и магов, кое-где – радужные змеи или морматы, орки в жуткой боевой раскраске с ожерельями из уменьшенных магией черепов. Люди, но их в отряде у Гелерры оказалось немного и они не на первых ролях, даже своего предводителя у них нет.

Арбаз с дюжиной лучших бойцов скрылся – он сейчас пробирается где-то по самому краю каменного хаоса, норовя подобраться поближе к порталу. А ей, Гелерре, вместе с морматами и Репаксом пора взлетать, отвлекая на себя внимание лучших магов врага.

Быкоглавцы топают прямо в расставленную для них огненную западню. Что ж, если гибель первого войска их ничему не научила...

Сухие голубоватые искорки с лёгким треском стекла с крыльев Гелерры и лопнули. Враг пустил в ход магию. Ту самую, без огненных шаров и ледяных игл, магию, убивающую одним фактом своего существования.

Каждое заклятье надлежало перехватить, разложить на составляющие, обезвредить. Если удастся – отразить, отзеркалить прямо на неприятеля. Сегодня будет тяжело, куда тяжелее, чем обычно: врага надо не просто

победить, но – самое главное! – не спугнуть раньше времени.

Если успеет повелитель Ракот – замечательно. Нет – справимся и сами.

Быкоглавцы принялись стрелять, когда арбалеты их едва-едва могли достать до учеников Хедина. И почти одновременно рывкнули гномьи бомбарды, над полем боя воспарили алые, малиновые, ослепительно-белые или желтоватые огненные шары. С тетив сорвались стрелы эльфов, трещал и переливался всеми цветами радуги воздух там, где свободные от отражения вражьей атаки чародеи отряда Гелерры сами перешли в наступление.

Сородичи Орши ловко ставили искрящиеся полупрозрачные щиты, пытаюсь отразить падающие с неба гномьи подарки. Зелёное мерцание, знакомое, слишком знакомое... Дальние, вам пора бы сменить палитру. Ваши изумрудные пламена мне изрядно надоели. Дался вам этот цвет!

Клин быкоглавцев в единый миг расцвёл словно сказочным садом – заряды гномьих огнебросов взрывались облаками разноцветного пламени, растекаясь по земле настоящими огненными реками. Креггер и его сородичи явно старались перещеголять друг друга.

Быкоглавцы не дрогнули. По-прежнему бежали вперёд, со всей мыслимой быстротой перезаряжая самострелы. Назад они поворачивать не собирались, как и в прошлый раз, напрямик направляясь в расставленную для них нехитрую ловушку.

По-прежнему мерцали распахнутые врата, однако изливавшийся из них поток быкоглавцев иссяк. Тысяч пятнадцать, на глаз определила адата. Немного. Для пяти сотен учеников Хедина – практически ничто.

Гелерра с Репаксом и морматами поднялась в воздух. Она не скрывалась, напротив! – пусть видят её белые крылья, пусть целятся в неё! Пусть не отрывают от неё взглядов, пусть ждут её внезапного удара, сегодня она прикрывает других.

Ага, вот и подземные рогачи – гномы вовремя заметили одного, брошенная руна вспыхивает и взрывается, обнажая ворочающееся в воронке чудовище; эльфы с невероятной быстротой всаживают ему в спину стрелу за стрелой, огнебросы

извергают потоки жидкого пламени; а потом кто-то из людей-магов резко выкрикивает слова заклятия, сводит руки в странном жесте – почему-то именно у людей чаще всего чары соединены со словом и движением, – и, уже смертельно раненый, рогач взрывается изнутри.

Поле стремительно затягивал дым, земля тряслась под ногами сражающихся, и Гелерре с десятком морматов пришлось оттянуться назад – сражение отдалялось от портала. Не спускаясь на землю, они едва успевали отбивать нацеленные в них заклятия боли и смерти, прикрывая соратников.

Полумесяц учеников Хедина растягивался всё шире, охватывая с боков решительно рвавшийся вперёд клин быкоглавцев. Это было как на самых первых уроках, когда Учитель только начинал свои наставления, сам, не перепоручая никому, показывал на оживших тавлейных фигурках простейшие манёвры в бою. «Слабый центр и сильные фланги». Окружение врага, увлёкшегося прорывом середины нашего боевого порядка. И никакие подземные твари ему уже не помогут.

Однако нельзя забывать и про Арбаза, пора возвращаться к portalу. Репак с полудюжиной морматов оставался, остальные вместе с адатой устремились вперёд, борясь с налетевшим горячим ветром.

И только потому она заметила, как из полыхающего портала выбралась кучка фигур в неприметные серых и коричневатых плащах. Высокие, стройные – по виду люди, просто люди. Быстро и сноровисто расставили треноги, разожгли огонь под ними, поставили какие-то чаши, не то курильницы, не то жаровни. Встали в круг.

Вот оно, ожидаемое, к чему они готовились.

«Арбаз! Пора! Давай!»

Гномы не отозвались. Не хотят выдавать себя раньше времени? Кто знает, на что способны эти чародеи, может, могут даже уловить магию розоватых кристаллов Хедина? Лучше не рисковать.

...Летающий отряд Гелерры спас только опыт. Опыт и привычка всегда держать наготове одно-другое из отпорных заклятий, простых, но надёжных, когда силу

можно встретить лишь такой же силой.

Мёртвая мощь. Сила, взятая у погибающих.

На помощь к быкоглавцам, что шли, подобно своим четвероногим сородичам, прямо на бойню, – пожаловали некроманты. Настоящие некроманты, не чета тем карликам, к племени которых принадлежала Орши.

А вот это уже точно заслуживает внимания Аэтероса, и притом самого пристального. Среди учеников Познавшего Тьму встречались самые разные маги, в том числе и так называемые «тёмные»; иные эльфы, вроде Арриса с Ульвейном, владели известным арсеналом из набора классической некромантии, однако истинных «повелителей смерти» не было совсем. Если же против нас сейчас именно Дальние – то появление подобных чародеев тоже довольно странно: Дальние доселе не были замечены в особых симпатиях к пастырям зомби и скелетов. И вот – нате вам пожалуйста.

...Первый удар летучим разведчикам Гелерры удалось отбить. Но слева, там, где осторожно пробирались Арбаз и его товарищи, внезапно вспух пузырь призрачно-белого пламени, и это могло значить только одно: гномов заметили.

Тяжко и трудно, совсем не похоже на прошлые схватки, шёл и бой главных сил. Земля под ногами ходила ходуном, гномы Креггера в поте лица отражали подбиравшихся рогачей, эльфы, светлые и тёмные одинаково, падали, не в силах удержаться на ногах, тотчас вскакивали, основательно вывалянные в пыли, растягивали тетивы, готовясь отомстить. Быкоглавцы воспряли, над полем разнёсся их многоголосый рёв; потрясая секирами и посылая впереди себя тучу арбалетных болтов, они ринулись на последний приступ.

Ровное поле, где тяжёлые копыта и магия извели всю траву, дрогнуло, расстояние меж сжавшимися кучками соратников Гелерры и наступающим вражьем воинством стремительно сокращалось.

Гарпии вновь и вновь приходилось отбивать нацеленные в неё чары. Слишком заметны белые крылья, парящие над сражением; но пусть, пусть целят в неё, она справится; одним заклятием меньше для тех, кто, несмотря ни на что, пробивается сейчас к порталу.

Однако удар некромантов едва не сбросил гарпию с небес на землю, она удержалась в последний момент; удержалась, проделала переворот, и в этот же миг что-то острое впилося в бок. Боль вспыхнула и тотчас приугасла, остановленная соответствующими чарами – плох тот ученик великого Хедина, что не позаботится о защите на этот крайний случай.

Ещё лучше, конечно, тот, кто вообще избегнет самой необходимости пускать в ход подобное волшебство.

Расправив крылья, Гелерра как могла плавно опустилась на склон ущелья. Ученики Аэтероса уже оправились, лишь несколько раненых, хромяя, оттягивались назад, к отрядным целителям.

– Адата! – глухо воскликнул один из морматов, опускаясь рядом с ней, серые щупальца поддержали схватившуюся за бок гарпию. – Ты ранена, адата?

Подоспевший на помощь другой летучий спрут послал прямо в сгрудившихся вражьих некромантов клубок тёмного пламени.

Огнешар взорвался, не долетев до цели – хороши, проклятые, защита у них что надо!..

– Пустяки, царапина, – ответила гарпия всегдашней отговоркой. – Сейчас... всё в порядке... Не мешкайте тут возле меня, не мешкайте! Арбаз должен прорваться!

Оба мормата молча переглянулись, наспех сплели щупальца в подобии своего мормачьего салюта и взмыли вверх, уносясь к порталу. За каждым тянулся лёгкий шлейф фиолетовых искорок – не теряя ни мгновения, соратники Гелерры уже накладывали какие-то свои заклятия.

Гелерра зашипела от боли, вырывая наконечник и торопясь сложить останавливающий кровь наговор.

«Если некроманты надеялись этим смести моих, они...»

Гарпия не закончила мысль, те самые некроманты нанесли второй удар.

На сей раз мало кто успел встретить его как полагается, заранее приготовленным щитом или контрзаклинанием, разбирающим вражьи чары на безвредные составляющие. Никогда ещё ученики Хедина не сталкивались со столь всеокрушающей мощью; прямо перед их рядами всклубились облака пыли, земля ударила в ноги, валя даже самых крепких силачей.

Шипя, горела и плавилась броня, распадались пеплом щиты и мечи в руках соратников Гелерры и тщетно пытался сорвать раскалённый шлем кто-то из гномов, выронивший бомбарду.

«Репах! Морматы!» – Адата успела прикрыть себя, увы, только себя. Гелерра упала на одно колено, подбородок и грудь мгновенно покраснели от хлынувшей из носа крови.

Радужные змеи и крылатые спруты взмыли в воздух, щедро тратя запасённую силу. Их немного, они нужны для иного, но сейчас иначе нельзя.

– У них щит, адата! – заорал в самое ухо кто-то из гномов, тоже раненый. Одежда на нём обратилась в обугленные лохмотья, по коже расплывались жуткие пятна ожогов, однако гном держался. – Отбили заклятие, нежить поганая!..

Только этого мне и не хватало, подумала Гелерра, кое-как поднимаясь на ноги.

«Омаин, нужна подмога. Маги у портала, они всех нас положат. Никогда таких не видела!»

Боевая линия учеников Хедина везде подалась назад, пытаюсь сохранить отрыв от быкоглавцев, которым оставалось покрыть не больше сотни локтей.

Громко хлопнула «слепяшка Арбаза», прямо в гуще быкоглавцев вспыхнуло идеально-белое пламя, покатилося волнами, сжигая всё на своём пути.

Словно из ниоткуда вынырнули две дюжины орков-варлоков, пробившись на подмогу Гелерре вдоль склона ущелья.

Наговор подействовал. Раненый гном, рыча и сплёвывая, тоже поднялся на ноги, тяжело опираясь на приклад огнеброса.

– Отходим! – скомандовала Гелерра, взмывая над полем боя и сжимая розоватый кристалл – её услышали все до единого соратники на поле брани. – Назад, назад, не мешкая! Арбаз, мы их отвлечём. Бей, бей всем, что есть! Некромантов – достать! Всем морматам, всем змеям – атака!

Впервые за невесть сколько сражений они отступали не для того, чтобы заманить врага в ловушку, но чтобы спасти себя.

Некроманты черпали силы в умирающих воинах, неважно, своих или чужих. «Чужих», надеялась Гелерра, своих погибло совсем немного.

«Гелерра!»

Репак. Что-то не так. Что-то очень не так.

«Иду!»

Крылья не желали разворачиваться, в боку по-прежнему саднило, боль пробивалась сквозь все отпорные заклятия.

Вверх!

Ей открывалось поле боя, и сердце сжалось – всемогущий Учитель, сколько же наших лежит...

Никогда такого не случалось.

Скорее, скорее! Режет щёки полный тяжёлой обжигающей пыли ветер. Гелерра вихрем проносится над быкоглавцами, поневоле заколебавшимися – их встретили сейчас всем, что имелось в арсеналах учеников Познавшего Тьму.

Горела и плавилась плоть, стекая чёрной жижей с обнажающихся костей, лопались черепа, и мозги разбрызгивало вокруг. Кое-где быкоглавцы добрались-таки до отступавших соратников Гелерры, в ход вновь пошли гномьи топоры

наравне с эльфьими мечами и ятаганами орков.

Превозмогая боль, адата промчалась над быкоглавцами – скорее, скорее, туда, к portalу! – вмиг оказавшись возле кучки некромантов. Эти сбились тесно, плечом к плечу, сгрудившись вокруг трёх жаровен, куда всё время что-то подбрасывали, отчего над чашами поднимались густые клубы белого дыма.

Здесь таяли и исчезали души, вдруг с ужасом осознала Гелерра. Не знаю, как, но – исчезали.

Вокруг некромантов кружили и радужные змеи во главе с Репаксом, и морматы. Не могут добраться, поняла Гелерра.

Да, щит. Самый простой, но до чего ж крепок!..

«Держись, Гелерра!»

Арбаз. Молодцы гномы, бьются до последнего. Построившись узким клином, они рвались сейчас к portalу, выставив во все стороны изрыгающие пламя жерла огнебросов.

Некроманты не глядят по сторонам. Защита возведена, а сами они готовят третий удар. Дважды они примерялись, прицеливались, и сейчас пришла пора последнего и решающего.

Гелерра взмыла выше, переворот через крыло, и вот она уже падает, падает камнем прямо туда, где раскрылся незримый, но от того не менее крепкий щит, прикрывающий вражьи чародеев.

«Арбаз! Самый сильный твой заряд, сюда, там, где я, пали!»

«Адата! Ты...»

«Выполняй!»

Арбаз, обошедший со своей дюжиной лучших мастеров-огнебросчиков фланг быкоглавцев, выдержавший оба удара некромантов, больше не спорил и

не терял даром времени. Из дула его бомбарды вырвался огненный шар, обманчиво-медленно взлетел по высокой дуге.

Радужные змеи и морматы мигом рванулись вверх, уходя от готового расцвести огненного цветка.

Гелерра оставалась.

Никто, кроме меня. Я должна открыть им дорогу.

Сжать всеокрушающую ярость гномьего пламени, превратить его в тонкое, до предела заострённое копье, туго, словно волосы в косе, сплести вместе огненные языки – и ударить, словно тараном, в невидимую защиту некромантов.

Гелерре на миг почудилось – из неё разом вышибли всю кровь, словно бросив в мельничные жернова. Огонь пронёсся по опустевшим жилам, толкнулся в сознание, вырвался на волю через глазницы и обессилевшая гарпия, сложив крылья, кубарем полетела вниз.

Она не увидела, как незримый доселе щит разлетелся веером голубоватых и изумрудных осколков, не увидела безмерное удивление на равнодушных до этого ко всему лицах некромантов; не увидела и то, как морматы вместе с сородичами Репаха ринулись на них со всех сторон.

Гелерра уходила во тьму.

Глава III

Матфей Исидорти, клирик монастыря Сил Святых

Ску-у-у-учно. Ой, как ску-у-у-учно, хоть волком вой, хоть выпью реви. Хотя выпь-то как раз и не ревет... Охти, тоска смертная.

Молодой монах – у него едва-едва закурчалась редкая бородка – перевернулся на другой бок. Жёсткий лежак в узкой келье, щель окошечка – насмешка, а не окно, честное слово. В келье, кроме свечи, песочных часов, кувшина с водой, поганой кадушки для ночных надобностей да образа Святых Праведных Сил, ничего нет, даже молитвенника, потому как молитвенники положены одним лишь пожилым отцам, кого память начинает подводить, а молодым следует полагаться на собственную голову, на что ж ещё, а это тоска-а-а-а-а такая-а-а-а-а...

Монашек не то зевнул, не то вздохнул. Свеча горела хоть и тускло, но ровно, выхватывая из мрака узкое лицо с высокими скулами, тонкий нос с горбинкой, глаза, глубоко спрятавшиеся под надбровные дуги.

Учи, учи, учи. И помни, как тебе повезло, что не трудником бесправным спину гнёшь на монастырских полях, под дождём, аль жарой, али снегом. Это им, бедолагам, работа до седьмого пота и восьмого издыхания, а тебе – им на зависть! – сиди себе под крышей, в тепле, сытый... ну, или почти сытый... Книжечки почитывай, молитвы запоминай, отцу настоятелю выученное отчитывай, да не просто так, а голосом ясным, чистым и по чину меняющимся.

Эх, спать всё равно не получится – через час уже зазвонят к ночной службе, «на ведъм и колдунов поношение». Час? – юноша взглянул на большие песочные часы. Ага, час всего. Лучше и не пытаться заснуть, потом просыпаться – мука мученическая. Отец настоятель непременно заметит, что носом клевал, что в глазах «огня веры» не было. А откуда ему взяться-то, огню этому, если Силы Святые отродясь никто никогда не видывал, одни только книжки и остались; так ведь в книгах я и сам такого понапишу, что только держись.

Да и потом... говорят, когда Праведные Силы являлись, то чудеса творили великие, огонь с небес сводили, по воздуху летали аки птица, болящих исцеляли, только что мёртвых не оживляли. Но с тех пор сколько уж годков пролетело, сколько воды утекло? Праведные Силы – шестеро их было, мужей четверо и жён две, красоты несказанной, и о том рассказы оставлены в книгах, усердными перьями записанные. Да вот только толку с тех рассказов никакого. Чудес никто творить не может, кроме ведъм. Да и те ведьмы, если призадуматься...

Призадуматься. В этом-то всё и дело. В монастыре жизнь легка ещё и тем, что думать не надо. Трудники, так те и вовсе думать небось не умеют.

Матфей вздохнул, поправил фитиль, снял нагар и уселся на жёсткий лежак, глядя в узкое оконце. Грубый камень, железные прутья решётки... Ведьма, отец-настоятель учил, ночной птицей или там мышью летучей к мужу, себя Праведным Силам посвятившему, проникнуть может и в прельщение ввести.

В прельщение ввести. Ох...

Тут мысли молодого монашка обрели совершенно иное течение. Некоторое время он сосредоточенно размышлял, какими же на самом деле могут оказаться детали этого самого «прельщения» и чем оно всё закончится.

Ох, ох, срамота-то какая!

Он воровато оглянулся, словно ожидая прямо здесь нарваться на строгий взгляд отца Андратия. Рукоблудие – грех страшный, Силы Святые так заповедали и кары за него назначили. Ох, сомнения, сомнения, грех ещё более тяжкий! Уверовать бы... Хорошо отцу настоятелю, он-то во всём так уверен, словно собственными глазами видел. А я вот не могу. Написано в Книге Творения, что создали Праведные Силы мир в шесть дней и шесть ночей, а на седьмой отдыхали все вместе и праздновали, окончанию труда радуясь, и оттого мы все отдыхаем в день седьмой, а шесть трудимся... Стоп-стоп, о чём это я? Ну да, Творение. Откуда мир явился, что началом стало и что было ещё раньше? Вот тут-то я и могу только своим глазам верить. А то напишу, что мир, мол, изbleвал из уст своих страшный зверь Умм-ра, и что тогда? Напишу, что изbleвал, и потому-то у нас и житуха такая отвратная, и зима полгода, и лето засушливое, весна короткая, а осень дождливая да гнилая, и поди-ка, поспорь со мной! Я так видел, и всё тут.

Ох, ох, да что ж за мысли-то мне в голову лезут?! А ну как Силы Святые и впрямь каждое слово, про себя сказанное, слышать могут?

Матфей сглотнул и вновь пугливо оглянулся.

Нет, никого. Неоткуда им тут взяться, Силам Праведным. Никто их никогда не видел, никогда не слышал. Только книги и остались. А книгам веры нет, если только сам всего не проделаешь. Эвон, у отца Мерафе в библиотеке – чего только нет, а в сундуках, от посторонних запертых – труды и по алхимии, и

разысканию существ небывалых, необыкновенных, и там, в этих книгах – то, что проверить можно. Повторить. Сделать самому. И те, кто их писал, знали – другие проверят. А значит, писали с толком, сознавая, что делают. Особенно потому, что жизнью рисковали.

Эх, заглянуть бы в те сундуки! Да не одним глазом, как доселе удавалось, когда отцу Мерафе помогал, а как следует. Не зря же он, Матфей, грамоте обучен, да не только Праведными Силами даденной. Давались ему чужие словеса, легко давались, другим клирикам на зависть. Так он и к отцу Мерафе попал, старик столько этих языков знает, что сам, наверное, забыл сколько. В обители чужую речь учили, потому как паломники благочестивые и из-за моря приплывают.

Вот только не подумал никто, что на иных языках и книги иные читать можно. А отец Мерафе – он как неразумный, право слово. Радуетя, словно дитяtko, когда кто-нибудь в его сундуки нос сунет. Правда, не во все. Некоторые – самые интересные! – он никому не показывает. Даже ему, Матфею Исидорти, хоть он уж так старался, так старался, старику угождая! Даже отец настоятель заметил и похвалил, мол, вот истинная любовь ко брату старшему – когда он, Матфей, отцу библиотекарю замёрзшие ноги в горячей лохани отпаривал.

Отпаривать-то он отпаривал, но как уговорить старого упрянца дать на тайные книги глянуть? Только два разочка и удавалось приподнять крышку, когда порядок всюду наводили. Эх, эх, какие ж там названия-то были!

«О существах небесных и подземных». «О духов вызывании и повествованиях их». «Силы Додревние, их имена, деяния, и нынешние обитания». «Как мертвецу обличие жизни придать на время краткое».

И так далее. Большого Матфей прочесть не успел, отец Мерафе крышку захлопнул, да и накричал к тому же. Мол, нечего глазами своими бесстыжими куда попало таращиться, не для него эти книги писаны... И епитимью наложил.

Епитимья-то ещё ничего, а вот плохо, что сундуки стал запираť тщательно и за ключами следить неотступно. Ну ничего, ничего, отец Мерафе у нас старенький, а кроме него в библиотеку один только настоятель и ходит из монастырских набольших. Ни отец эконом, ни отец кастелян. Не говоря уж об отце казначее. Десяток молодых клириков, таких же, что и сам Матфей, переписывают ветхие свитки, но там только священное, о деяниях Сил Праведных да первых их

учеников.

Матфей бросил взгляд на песочные часы. Вот, не заметил, как и час пролетел. На службу пора. Отец настоятель опозданий не прощает.

* * *

Монастырь Бервино отличался богатством. Не роскошен, но зажиточен. Поля обширные, а при них – всякие хитрые хитрости, поколениями монахов измышленные, чтобы, значит, воду в засуху на них поднимать, а в гнилодожде – напротив, отводить. Крыльчатки, ветром движимые, какие-то колёса зубчатые, шкивы, ремни – Матфея это не интересовало. Трудники работать должны, и это правильно. А уж раз ты в монахах, то не зевай! И тут найдётся чем поживиться.

Матфей и нашёл. А что делать, если родители твои совсем не богачи, даже наоборот, и всех сыновей с дочерьми простому сапожнику не прокормить, пусть даже башмаки, им скроенные, самому королю впору?

Он сбежал по крутым ступеням библиотеки, оказавшись на просторной монастырской площади с колодцем прямо перед главным собором. Братия торопилась, и из келий, и из мастерских, потому что отец эконома считал леность грехом, а инструменты без дела валяться не должны только потому, что на небе, видишь ли, звёзды.

К службе торопились в благочестивом молчании. Монастырь стоит на склоне, собор – выше всех, так что, оглянувшись от высоких дверей, узришь всю обитель как на ладони. Под звёздным небом сероватые некрашенные стены монастыря и рыжие черепичные крыши словно слились в сплошной занавес, завесу, за которой скрылось всё – жизнь, мечты, память... Даже родители, даже братишки с сестрёнками.

Матфей поёжился, как и всякий раз, когда вспоминал судорожно вцепившиеся в плечи батюшкины пальцы и мамины мокрые щёки. «Иди... иди, сыночек... там тебе хорошо будет...»

Что-то углядели в нём отцы монахи, коль уж взяли, не завернули, как множество других...

Нет, нет, ничего, ничего. Он их всех ещё увидит, конечно же, увидит. Он же знает, где они живут, а до городка Збаст, где устроился сапожник Савел Исидорти, всего-то неделя пути. Вот отпросится у отца настоятеля и сходит...

...Служба тянулась, как всегда, мучительно и долго. Матфей старательно пел вместе со всеми, тянул шею, тщась рассмотреть Шестерых, во всех подробностях изображённых над алтарём. А чем ещё заняться на службе, которую благодаря отличной памяти знаешь назубок? Тут хоть женщины нарисованы... пусть и закутанные с головы до пят, только лицо видно, да отставленный локоть.

«И ведьма-а-ам даруй огонь и мор, огонь и мор вечный!»

Интересно, чем же это Силам Святым так ведьмы не потрафили?

«От Всадниц Ночный взор свой отве-е-ерзи, уста замкни! Огонь и мор на них, огонь и мор!»

Ночные Всадницы, хе-хе... Небось не только на конях скакать мастерицы. Но, говорят, и монаха на ложе оседлать не помешкают...

Ой-ой, спасите, караул! Да что ж это с мыслями моими сегодня?! Про другое думай, Матфей, про другое, да скорее, скорее!..

...Так, где там отец Мерафе? После ночной службы старик всегда любил ещё поспать, до утреннего распева. Ну да, вон он, пошёл в левое крыло, там кельи старших отцов. Библиотека пустая, писцы явятся только после первой светлой молитвы. Младшую братию отцы экономят с кастеляном сейчас нарядают на работы, а мы в это время...

– Вам помочь, отец Мерафе? Что-то хромаете вы опять. Колено натрудили?

– Ох, ох, ты никак, Матфейка, мальчик мой? Да, спасибо, что руку даёшь. Эх, старость не радость, скоро и вовсе карабкаться по этим ступеням не смогу...

– Я помогу, отец. На меня обопритесь, – от собора надо спуститься на площадь, а потом вновь подниматься, потому что кельи старших отцов строили высоко,

чтобы, значит, «вид был получше». Зачем, почему, кто так устроил – уже не дознаться. И вот ковыляет старый и тучный отец Мерафе, вполголоса ругая «эти ступени, будь они неладны».

Вот и келья, вот и знакомая дверь, такая тяжёлая, что и тараном не вышибешь. Зачем простому монаху, пусть и отцу библиотекаря, такая дверь? От ведьм ночных отбиваться?

– Прилягу, Матфей. Что-то... плохо меня ноги держат последнее время, ох, ох...

– Не беспокойтесь, отец, я всё сделаю. И библиотеку открою, и писцам работу раздам, как вы мне вчера в малом свиточке и разъяснили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nik-perumov/uderzhivaya-nebo>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)